

005002632

На правах рукописи

**МАНКЕВИЧ
ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА**

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
В ТЕКСТАХ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ:
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЙ АСПЕКТ**

Специальность 24 00 01 – Теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора культурологии

17 НОЯ 2011

Санкт-Петербург
2011

На правах рукописи

**МАНКЕВИЧ
ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА**

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
В ТЕКСТАХ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ:
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЙ АСПЕКТ**

Специальность 24 00 01 – Теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора культурологии

Санкт-Петербург
2011

Работа выполнена в Секторе культурологических проблем социализации
ФГНИУ «Российский институт культурологии»

Научный консультант: доктор философских наук, профессор
Шапинская Екатерина Николаевна (РИК)

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Марков Борис Васильевич (СПбГУ)

доктор культурологии, профессор
Калашникова Наталья Моисеевна (РЭМ)

доктор культурологии, доцент
Грачев Владимир Иннокентьевич
(ЛГУ им. А.С. Пушкина)

Ведущая организация: ФГОУ ВПО «Российский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена»

Защита состоится «24» ноября 2011 года в 15 часов на заседании совета
Д.212.232.55 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-
Петербургском государственном университете по адресу: 199034, Санкт-
Петербург, В.О., Менделеевская линия, д. 5, философский факультет, ауд. 167.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. М.Горького
Санкт-Петербургского государственного университета

Автореферат разослан « _____ » _____ 2011 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
кандидат философских наук, доцент

А.А. Никонова

Общая характеристика работы

Актуальность. Глобальные изменения в традиционной системе отечественного гуманитарного знания, произошедшие на рубеже XX–XXI вв., стимулировали интерес к культурологическим методам освоения феномена “повседневность” и переключение внимания гуманитариев на предметы, ранее считавшиеся маргинальными (частная жизнь, тело, мир чувств, еда, запахи). Сегодня в гуманитарной науке накоплен значительный опыт исторических исследований различных реалий повседневной жизни отдельных эпох, регионов, социальных групп, зафиксированных в документальных свидетельствах и артефактах. Повседневноведческая тематика обнаруживает себя в традиционном литературоведческом анализе мотивов и образов художественных произведений и в языковедческих исследованиях соответствующего ряда лексических единиц. Культурологические изыскания в этой сфере представлены, главным образом, работами общетеоретического характера и исследованиями конкретных явлений повседневной жизни. Однако указанные ракурсы изучения феномена повседневности не отражают всей совокупности многомерных взаимосвязей, влияний и отношений, существующих между реалиями повседневной жизни как таковой и ее репрезентацией в текстах культуры внелитературной и литературной природы в контексте коммуникационной триады “повседневность – литература – повседневность”. Последнее касается, в частности, богатейшего культурологического потенциала классического наследия русской литературной культуры — “хранителя” и “распространителя” моделей повседневного поведения и “жизнестроения”, остающегося на сегодняшний день недостаточно востребованным и мало исследованным в качестве потенциального источника культурологической информации о повседневной жизни и генератора культурологического знания. В силу литературоцентричности русской культуры отечественная филология более других областей гуманитарного знания оказалась предрасположенной к освоению культурологического подхода. Отсюда — и специфичность русской филологической школы, питавшейся “соками” разнородных, но взаимодействующих научных идей, на пересечении которых рождались труды М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова.

В условиях масштабной смены ценностных ориентаций многие реалии и смыслы русской повседневной культуры, отраженные в классическом репертуаре отечественной литературы, неизбежно исчезают с горизонта восприятия ее “срединного” читателя. В этой связи актуализация культурологического потенциала русской литературы как «хранительницы высших смыслов отечественной культуры» (В.К. Кантор), как этического и образно-эмоционального компонента национального наследия представляется не только перспективной сферой познания повседневной жизни как таковой, но и действенной стратегией самопознания человека. Человек, информация, коммуникация, творчество, наследие — фундаментальные основания культуры, формирующие многослойные структуры повседневности как информационно-коммуникационной систе-

мы, обуславливающие и поддерживающие, в свою очередь, и многообразие репрезентирующих ее текстов.

Постановка проблемы. Проблемное поле настоящего исследования является исходя из наличия следующего ряда противоречий:

1) между сложным комплексом отношений, связывающих реалии внелитературной и литературной повседневности, и степенью их культурологическо-го осмысления в контексте теории социокультурных коммуникаций;

2) между богатейшим семантическим потенциалом русской литературной классики и степенью ее освоения как источника культурологической информации о повседневной жизни.

Информационно-коммуникационный контекст исследования предопределен спецификой функционирования в пространстве социокультурных коммуникаций текстов повседневности внелитературной и литературной природы — потенциальных носителей социальной/гуманитарной информации, которая в процессе прочтения текстов интерпретируется как культурологическая. Объективно решению указанной проблемы способствуют многомерность и динамичность пространства повседневной культуры как системы социокультурных коммуникаций, а также активные и продуктивные научные коммуникации между филологией и культурологией, ибо ключевыми объектам исследования обеих сфер знания являются тексты культуры. В диссертации отмечается, что информационно-коммуникационный контекст исследования диктует необходимость ориентироваться на предельно широкое толкование понятия “текст” как текста культуры.

Степень разработанности проблемы.

В методологическом плане на формирование исходной гипотезы исследования оказали влияние труды ученых петербургской философско-культурологической школы, связанные с *развитием системного и деятельностного подходов к познанию культуры* (С.Н. Артановский, М.С. Каган, А.П. Марков, К.С. Пигров, Э.В. Соколов, Ю.М. Шор, др.), а также труды отечественных (Г.С. Кнабе и Ю.М. Лотман) и зарубежных (Р. Барт, У Эко) семиотиков культуры. Совокупный вклад в разработку теории и истории повседневной культуры внесли зарубежные (Э. Гуссерль, А. Шюцц, П. Бергер, Т. Лукман, Г. Гарфинкель, А. Сикурель, И. Гофман, К. Гирц, А. Лефевр, Ю. Хабермас, П. Бурдьё, Л. Февр, М. Блок, Ж. Ле Гофф, Ф. Бродель, Н. Элиас) и отечественные ученые (С.Н. Артановский, Л.В. Беловинский, Т.Д. Венедиктова, Е.В. Золотухина-Аболина, Н.Н. Козлова, Л.Г. Ионин, В.Д. Лелеко, Б.В. Марков).

При разработке *информационно-коммуникационных аспектов* исследования были востребованы суждения отечественных и зарубежных специалистов в сфере теории и истории культуры (О.Н. Астафьева, Д. Бахман-Медик, В.С. Жидков, М.С. Каган, Дж. Каллер, В.К. Кантор, К.М. Кантор, И.В. Кондаков, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, А. Моль, К.Э. Разлогов, К.Б. Соколов, А.Я. Флиер, Н.А. Хренов, У. Эко, др.), теории и практики социокультурных коммуникаций (Ю.Б. Борев, В.И. Грачев, А.С. Дриккер,

Л.В. Петров, В.Е. Ссменов, А.В. Соколов, др.), а также отечественный и зарубежный опыт освоения проблем литературной/книжной культуры и литературных коммуникаций (Е. Добренко, Б.В. Дубин, Э. Клоус, А.И. Рейтблат, др.).

Изучение художественной литературы как источника культурологической информации о повседневной жизни в виду отсутствия теоретических разработок в указанном контексте потребовало обращения к опыту академического источниковедения (С.О. Шмидт, О.М. Медушевская). Методологические подходы к исследованию информационного потенциала литературного наследия наиболее разработаны в исторических исследованиях (В.О. Ключевский, Л.Н. Гумилев, И.И. Миронец, Ю.В. Никуличев, А.В. Предтеченский, Е.С. Сенявская, А.К. Соколов, Е.Н. Цимбаева, М.Ф. Румянцева, др.). Весьма ценным оказался опыт книговедческого (А.В. Блюм) и филологического осмысления указанной проблемы (Е.В. Душечкина, Е. Фарыно).

Проблема функционирования текстов повседневности в *пространстве социокультурных коммуникаций* адресует к информационно-семиотической концепции повседневной/бытовой культуры, представленной в трудах Ю.М. Лотмана и его последователей (И. Паперно, И. Рейфман), в свете которой исследователь рассматривает литературный текст как феномен культуры, формирующий модели мышления, чувствования и поведения людей. Определенную ценность в этой связи представляют и немногочисленные культурологически ориентированные работы, посвященные изучению различных реалий повседневной жизни на материале литературно-художественных текстов (Е.Е. Дмитриева, М.С. Костюхина А.Л. Ястребов). Существенную информационную поддержку оказали исследования, посвященные костюмным (О.Б. Вайнштейн, Р.М. Кирсанова, П. Тирген), застольным (Ж.-Ф. Ревель, И.А. Богданов, А.И. Костяев, Ю.М. Лотман, В.А. Мильчина, В.В. Похлебкин) и ольфакторным реалиям повседневной жизни (К.А. Богданов, О.Б. Вайнштейн, О.Н. Григорьева, Е.Е. Дмитриева, Е.А. Жирицкая, Д. Захарьин, А.И. Костяев, О.Б. Кушлина, В.В. Лапин, А.Г. Левинсон).

Имеющиеся методологические предпосылки к культурологическому анализу *частной жизни гения в контексте проблемы репрезентации повседневности в текстах русской культуры* отсылают к традиции русской формальной школы (Б.М. Эйхенбаум, В.Б. Шкловский, Ю.Н. Тынянов, Б.В. Томашевский, Н.О. Лернер, Г.О. Винокур, В.В. Вересаев) и трудам Ю.М. Лотмана. Полезным в этой связи оказался опыт отечественных и зарубежных интерпретаторов жизнетворчества А.П. Чехова (А.Г. Головачева, В.Я. Звизняцкий, В.Б. Катаев, И.Н. Сухих, А.П. Чудаков, Д. Рейфилд). Философские и психологические проблемы изучения личной жизни художника как предмета творчества получили развитие в работах О.А. Кривцуна. Культурологическая интерпретация художественного и обыденного опыта русских символистов в контексте "текстличность" представлен в исследовании Т.И. Ерохиной.

Анализ научной разработанности проблемы в объектно-предметном и методологическом плане свидетельствует: 1) об отсутствии в репертуаре культу-

рологических исследований трудов обобщающего, комплексного характера, связанных с осмыслением информационно-коммуникационных аспектов репрезентации повседневности в текстах русской культуры в контексте взаимодействия реалий внелитературной и литературной повседневности; 2) о наличие объективной необходимости и возможности интеграции накопленного гуманитарной наукой опыта для освоения проблемы репрезентации повседневности в текстах русской культуры и их коммуникационных отношений с позиции системного культурологического знания.

В виду необозримости и многообразия структурных компонентов, образующих пространство повседневности и репрезентирующих его текстов культуры, в данном исследовании выбор ограничен теми составляющими ближайшей среды обитания человека, без которых немислимо его повседневное бытие. К ним относятся: *костюм, застолье* (еда вкупе с застольным антуражем), *ароматы и запахи*.

Объект исследования — формы репрезентации повседневности в костюмных, застольных и ольфакторных текстах русской культуры.

Предмет исследования — информационно-коммуникационные аспекты репрезентации костюмных, застольных и ольфакторных текстов культуры в контексте триады “повседневность — литература — повседневность”.

В хронологическом и региональном аспекте исследование выстраивается главным образом на материале истории повседневной культуры России XIX–начала XX веков и текстов русской классической литературы. Однако информационно-коммуникационный аспект исследования закономерно требует обращения к фактам культуры иных эпох и регионов, обусловивших порождение и функционирование тех или иных форм повседневной культуры, ибо пространство социокультурных коммуникаций не имеет жестких границ.

Цель исследования — выявление и анализ форм репрезентации повседневности в текстах русской культуры внелитературной и литературной реальности как взаимодействующих семантических пространств в контексте системного культурологического знания.

Задачи исследования структурированы по направлениям в соответствии тематикой глав и параграфов:

1. Анализ документальной базы исследования и предметно тематической структуры научных публикаций, составляющих культурологический вектор в исследованиях культуры повседневности; выявление специфики репрезентации повседневности в гуманитарных исследованиях культурологического профиля, посвященных костюмным, застольным и ольфакторным реалиям повседневной жизни.

2. Актуализация методологического потенциала информационно-коммуникационного подхода применительно к сфере “повседневная культура” как системе повседневных коммуникаций: а) разработка коммуникационной модели “повседневная культура” как методологической основы анализа репрезентации повседневности в текстах культуры; б) анализ морфологической

структуры костюмных, застольных и ольфакторных текстов повседневной культуры; в) выявление специфики репрезентации повседневности в костюмных, застольных и ольфакторных текстах внелитературной природы в контексте категорий информационно-коммуникационного подхода.

3. Актуализация методологического потенциала информационно-коммуникационного подхода применительно к сфере “литературная культура” как системе литературных коммуникаций: а) выявление специфики междисциплинарных взаимодействий культурологии и филологии в пространстве гуманитарной культуры; б) разработка коммуникационной модели “литературная культура” как методологической основы анализа репрезентации повседневности в литературных текстах культуры; в) анализ эволюции представлений в гуманитарном знании об источниковедческом потенциале художественной литературы; г) обоснование ввода в научный оборот концепта “культурологическая информация” как категории культурологического знания; обоснование источниковедческого статуса литературно-художественного текста как потенциального источника культурологической информации о повседневной жизни.

4. Анализ специфики функционирования текстов культуры в контексте коммуникационной триады: “повседневность — литература — повседневность”: а) выявление системных взаимосвязей между культурно-семантическими пространствами “внелитературная повседневность — литературная повседневность”; б) выявление форм репрезентации повседневности в костюмных, застольных и ольфакторных текстах литературной природы; в) анализ репрезентации повседневности в текстах частной жизни русского писателя (мемуарных, эпистолярных).

Документальную базу исследования составили: научные труды, связанные с темой исследования (монографии, сборники статей, материалы конференций, диссертации, статьи из профессиональных периодических изданий), публицистика, художественная критика, очерки, эссе, кулинарные издания, источники личного происхождения (письма, мемуары, дневники), тексты русской художественной литературы XIX — начала XX века, научные каталоги музейных экспозиций и выставок, статьи и рецензии из газетно-журнальных изданий, специализированные интернет-ресурсы.

Методология и методы исследования выстраиваются исходя из междисциплинарного характера избранной темы, диктующего обращение к достижениям различных наук социально-гуманитарного цикла (философия культуры, семиотика культуры, культурология, культурная антропология, филология, источниковедение, теория социокультурной коммуникации, др.). В теоретико-методологическом плане исследование базируется на ряде концептуальных положений, разработанных и апробированных в системе философско-культурологического, исторического и филологического знаний.

В ходе осмысления проблемы репрезентации повседневности в текстах русской культуры нашли отражение: феноменологическая концепция понимания природы культурных явлений как идеальной сущности и феномена сознания

ния (Э. Гуссерль), теоретические основания философской герменевтики, ориентированной на толкование человеческого бытия через раскрытие смыслов культуры (Г. Гадамер), информационно-семиотическая концепция культуры (Ю.М. Лотман, У. Эко).

При разработке информационно-коммуникационной версии системного культурологического подхода востребованы идеи диалогичности сознаний и культур (М.М. Бахтин), идеи многомерности культурного пространства, побуждающие к поиску системных оснований его научного освоения (М.С. Каган), концепции теорий социальной (Г.Г. Почепцов, А.В. Соколов) и художественной коммуникаций (Ю.Б. Боров, Ю.М. Лотман).

При обосновании теоретико-методологической потребности ввода в научный оборот понятия “культурологическая информация” как базовой категории культурологического метода познания нашли отражение идеи, развиваемые в русле исторического (С.О. Шмидт) и теоретического источниковедения (О.М. Медушевская). В ходе анализа репрезентации повседневности в текстах русской культуры в контексте триады “повседневность — литература — повседневность” актуализировано теоретическое наследие русской формальной школы, в частности концепция литературного быта как феномена культуры (Б.М. Эйхенбаум, В.Б. Шкловский, Ю.Н. Тынянов). При анализе репрезентации повседневности в текстах частной жизни русского гения использован опыт освоения биографического метода в гуманитарных исследованиях (Ю.М. Лотман, О.А. Кривцун).

В целом теоретико-методологическая база настоящего исследования представляет собой органичный синтез целого ряда разработанных в гуманитарном знании аналитических приемов (структурно-семиотический, функционально-семантический, дискурсивный, контекстуальный), получивших свое воплощение в авторской концепции информационно-коммуникационного подхода к анализу репрезентации повседневности в текстах культуры.

Научная новизна исследования. Впервые на материале истории отечественной культуры и классической литературы проведено системное культурологическое исследование проблемы репрезентации повседневности в текстах русской культуры в контексте взаимодействия семантических пространств “повседневность — литература — повседневность” и дано научно-методологическое обоснование методов культурологического анализа репрезентации повседневности в текстах русской культуры внелитературной и литературной реальности, в том числе:

1) разработана концепция информационно-коммуникационного подхода применительно к предметным областям “повседневная культура” и “литературная культура”;

2) определена специфика взаимодействия семантических пространств “внелитературная повседневность” и “литературная повседневность”;

3) выявлена морфологическая структура костюмных, застольных и ольфакторных текстов как текстов повседневной культуры;

4) введен в научный оборот концепт “культурологическая информация” в качестве специализированной научно-методологической категории культурологического знания;

5) представлена концепция функционального статуса художественной литературы как источника культурологической информации о повседневной жизни;

6) представлена концепция частной жизни творческой личности как текста повседневной культуры (на материале источников личного происхождения и художественных произведений классиков русской литературы).

Теоретическая значимость исследования раскрывается в следующих ключевых положениях.

1). Определены формы репрезентации повседневности в текстах русской культуры (костюмных, застольных, ольфакторных), в том числе в аспекте их функционирования в пространстве социокультурных коммуникаций.

2). Определены формы репрезентации повседневности в костюмных, застольных и ольфакторных текстах частной жизни гениальной личности как субъекта повседневных/литературных коммуникаций.

3). Разработан понятийный аппарат исследования, ориентированный на актуализацию информационно-коммуникационного потенциала текстов повседневной культуры, в том числе:

- дано теоретическое обоснование формальной и содержательной структуры категорий “повседневная культура”, “литературная культура”, “текст повседневной культуры”, “костюмный текст”, “застольный текст”, “ольфакторный текст”, “культурологическая информация”;

- предложены дефиниции разновидностей социокультурных коммуникаций: “повседневные”, “костюмные”, “застольные”, “ольфакторные”, “литературные”, “художественные”.

Практическая значимость исследования. Представленные в исследовании концепции и выводы могут быть использованы в качестве методологической базы для дальнейших исследований, ориентированных на актуализацию информационно-коммуникационных аспектов функционирования текстов культуры вербальной и невербальной природы. Образцы культурологического анализа текстов русской классической литературы могут быть полезны в практике преподавания дисциплин культурологического и филологического циклов, способствуя развитию междисциплинарного мышления будущих специалистов гуманитарного знания.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Информационно-коммуникационный подход является эффективной методологической базой для анализа форм репрезентации повседневности в текстах русской культуры, реализуемый в совокупности следующих культурологических измерений:

а) общесистемный — в контексте универсальных категорий информационно-коммуникационного подхода (коммуникационное пространство/время,

субъекты коммуникации, коммуникационное сообщение, коммуникационная культура, коммуникационные потребности, социальная/культурная память);

б) морфологический — в контексте морфологической структуры текстов повседневной культуры, в том числе костюмных, застольных, ольфакторных;

в) функционально-семантический — в контексте взаимодействия семантических пространств “повседневность — литература — повседневность”.

2. Анализ семантического потенциала понятия “культурологическая информация” свидетельствует о возможности и необходимости введения его в научный оборот в качестве специализированной научно-методологической категории культурологического знания. Информация, выявляемая в рамках культурологического метода прочтения текстов культуры вербальной и невербальной природы, интерпретируется как культурологическая.

3. Литературно-художественный текст, будучи продуктом социокультурной деятельности исторического общества и индивидуального художественного творчества субъектов культуры, является потенциальным источником культурологической информации о повседневной жизни.

4. Костюмные, застольные и ольфакторные реалии повседневной жизни человека, формируя ближайшую среду его обитания, образуют в своей совокупности эффективную источниковедческую базу для выявления форм репрезентации повседневности в текстах культуры внелитературной и литературной реальности.

5. Информационно-коммуникационный эффект взаимодействия пространств внелитературной и литературной повседневности заключается в их потенциальной способности быть друг для друга смыслопорождающей/текстопорождающей средой, стимулирующей генерацию новых источников культурологической информации, новых форм репрезентации повседневности в текстах культуры, новых контекстов интерпретации “старых” культурных форм и обогащение совокупного культурологического знания.

6. В контексте культурологического метода прочтения текстов культуры частная жизнь русского гения должна рассматриваться как культурное наследие и текст повседневной культуры, являющийся потенциальным источником культурологической информации.

Апробация работы. Основные положения исследования обсуждались на заседаниях секторов и Ученого совета Российского института культурологии (2008–2010), кафедре философии и культурологии СПбГУП, а также в виде докладов на более чем 40 международных, всероссийских, межвузовских научных и научно-практических конференций, проводимых научными и образовательными учреждениями России, Белоруссии, Украины, в том числе: Российский культурологический конгресс (Санкт-Петербург, РИК, 2006, 2008, 2010); Международная научная конференция «Филология — искусствознание — культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия» (Москва, РИК, 2009); Международная научная конференция «Язык и культура» (Москва, РАН, Российская академия лингвистических наук 2005, 2007); Международные науч-

ные конференции «Чеховские чтения в Ялте» (Ялта, Дом-музей А.П. Чехова, 2007–2009); Международная и Всероссийская научные конференции «Современные проблемы межкультурных коммуникаций» (Санкт-Петербург, СПбГУКИ, 2005, 2007); Международные и Всероссийские научные конференции «Пушкинские чтения» (Санкт-Петербург, ЛГУ им. А.С. Пушкина, 1996–2007); Международный форум «Феномен удовольствия в культуре» (Санкт-Петербург, СПбГУ, 2004); Международная научная конференция «Художественный текст и культура» (Владимир, ВГПУ, 2003, 2005); Международные Лихачевские научные чтения (Санкт-Петербург, СПбГУП, 2001, 2003); Международный форум «Игровое пространство культуры» (Санкт-Петербург, СПбГУ, 2002); Международная научная конференция «Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию М.С. Кагана» (Санкт-Петербург, СПбГУ, 2001); Первый Всероссийский социологический конгресс «Общество и социология: новые реалии и новые идеи» (СПбГУ, 2000) и др.

Результаты исследования отражены более чем в 60 научных работах автора, общим объемом 78 п.л., в том числе в монографии «Поэтика обыкновенного: опыт культурологической интерпретации»¹ и 13 статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК, а также использованы в учебном процессе при разработке концепций и программ учебных курсов: «Социальные коммуникации», «Теория коммуникации» (СПбГУКИ), «Мировая художественная культура», «Художественная культура региона», «Информационно-библиографическая культура учителя», курс по выбору «Костюм в русской художественной литературе» (ЛГУ им. А.С. Пушкина).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии (более 450 наименований) и двух приложений к тексту диссертации. Объем текста диссертации составляет 455 страницы.

Приложение 1 «Таблицы» включает 6 таблиц, иллюстрирующих теоретические и методологические положения исследования. **Приложение 2** «Культурологические сюжеты и портреты» составлено на основе эпистолярных и мемуарных источников и содержит материалы, отражающие жизнетворчество двух русских гениев, А.С. Пушкина и А.П. Чехова, в контексте костюмных, застольных и ольфакторных реалий их частной жизни.

¹ Рецензии на указанную монографию: *Равинский Д.К.* Манкевич И.А. Поэтика обыкновенного: опыт культурологической интерпретации: Монография. СПб.: Алетейя, 2011. 712 с. // Новое лит. обозрение. 2011. № 109; *Мышьякова Н.М.* Рецензия на монографию И.А. Манкевич «Поэтика обыкновенного: опыт культурологической интерпретации» (СПб.: Алетейя, 2011. 712 с., ил.) // Клио. 2011. № 5 (56); *Шор Ю. М.* Культурология обыкновенного // Вопросы культурологии. 2011. № 10.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность исследования, оценивается степень разработанности избранной проблемы, формулируются объект и предмет исследования, указываются его хронологические и региональные рамки, формулируются цели и задачи, перечисляются источники, составившие его документальную базу, дается характеристика методологической основы исследования и используемых методов, обосновывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Повседневная культура в гуманитарных исследованиях: культурологический вектор» посвящена теоретическим аспектам исследования повседневной культуры в контексте культурологического знания, основное содержание которой составляют аналитические обзоры научных публикаций, дающие представление о специфике репрезентации в гуманитарных исследованиях образов повседневности, включая образы костюмной, застольной и ольфакторной реальности.

В параграфе 1.1 «Повседневная культура как проблема гуманитарного знания» приводится краткий обзор ключевых подходов к трактовке повседневности как научной категории, нашедших отражение в работах зарубежных (Ф. Бродель, А. Шютц, Н. Элиас) и отечественных исследователей (С.Н. Артановский, Л.В. Беловинский, Т.Д. Венедиктова, Е.В. Золотухина-Аболина, Л. Г. Ионин, Г.С. Кнабе, Н.Н. Козлова, В. Д. Лелеко, Ю.М. Лотман, Б. В. Марков). К культурологическому вектору филологических исследований повседневности примыкают работы Е.Е. Дмитриевой, М.С. Костюхиной, И. Паперно, И. Рейфман, А. Ястребова, в совокупности своей являющих наглядный пример актуализации культурологического подхода в изучении реальный повседневной жизни на материале текстов русского классической литературы.

В своем обыденном значении понятие “повседневность”, как правило, имеет такие смысловые контексты как *ежедневный, постоянный, обычный, повторяющийся, рядовой, рутинный, привычный* и тому подобные свойства будничной домашней или будничной профессиональной жизни, состоящей из повторяющихся изо дня в день событий. Словарные трактовки повседневности сводятся к определению ее как «процесса жизнедеятельности индивидов, разворачивающегося в привычных общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий» (Л.Г. Ионин). При этом единообразии восприятия подобных ситуаций субъектами культуры является основополагающим условием их социального взаимодействия, обеспечивающим нормативный характер повседневной жизни. В научных исследованиях повседневность трактуется: как «видимый, но не замечаемый мир <...> привычных структур деятельности и социальных форм» (Н.Н. Козлова), как «сочетание различных видов специализированной и обыденной деятельности, детерминированной ценностными ориентациями человека...» (Л.В. Беловинский), как «привычная ограниченность жизни»,

дающая «чувство защищенности, <...> “онтологической безопасности” и комфорта» (Т.Д. Венедиктова).

Отмечается, что анализ текстов культуры в контексте оппозиции “повседневное — внеповседневное” продуктивен только при учете конкретных пространственно-временных факторов и коммуникационных ситуаций, таких как: статус субъектов культуры (личность, социальная группа, массовая общность, историческое общество), масштаб и специфика их деятельности (обыденная, специализированная, профессиональная). Ибо одно и то же явление может быть рассмотрено в разных системах координат. В частности, в теории повседневной культуры понятие “повседневность” традиционно противопоставляется понятию “праздник”. Однако в реальной жизни границы между этими явлениями культурной жизнедеятельности человека размыты и зависят не только от конкретной ситуации, но и от характера ее восприятия и связанных с ней переживаний, ибо то, что для одного праздник, то для другого — будни или, по меньшей мере, праздник, не порождающий праздничного мировосприятия. В то же время ежедневная рутина в силу своей привычности и комфортности может доставлять удовольствие и переживаться “празднично”. Однако и в этом случае все зависит от того, в каком контексте читается и интерпретируется конкретный текст, какую информацию он несет как текст “повседневности” или “внеповседневности”, и главное, что исследователь предполагает в нем увидеть — традицию или нечто выпадающее из традиционного контекста. В любом случае повседневность — это не быт в чистом виде, а бытие в быте и быт в бытие плюс сопровождающие эти культурные срезы переживания. Относительно “устойчивой” повседневность оказывается только на уровне научного сознания, то есть как научная категория и понятийный инструментарий. При этом безоговорочно к “повседневным” можно отнести только те реалии бытия, без которых человек не может обойтись “ни дня” без потерь для себя в физическом, интеллектуальном и нравственном отношениях. Хотя и этот критерий относителен, так как у каждого свой порог физической и нравственной устойчивости, свой уровень духовных потребностей. Но в общем случае это воздух, еда, одежда, дом, общение с внешним миром. Из множества компонентов первой необходимости, составляющих “потребительскую корзину” “человека повседневного”, независимо от его менталитета, уровня духовных потребностей, социокультурного статуса, психофизических и иных идентифицирующих признаков, в дальнейших культурологических построениях предпочтение отдано тем из них, без которых немислима повседневная культурная жизнедеятельность человека, а именно *костюму, еде и воздуху с насыщающими его ароматами и запахами*. Именно эти реалии повседневной жизни в совокупности своей и составляют *наиблизайшую среду* реализации человеческого в человеке, формируя одновременно пространство культурных смыслов, репрезентирующих “повседневное” как “обыкновенное”.

В параграфе 1.2 «Костюмная культура в гуманитарных исследованиях» представлен обзор наиболее значимых в контексте задач настоящего исследо-

вания научных публикаций последних лет, посвященных костюму как феномену культуры. Актуализация культурологического вектора гуманитарного знания нашла отражение в оригинальных научных исследованиях костюма и моды отечественных (Р.М. Кирсанова, О.Б. Вайнштейн, О. Ю. Гурова) и зарубежных авторов (Дж. Крейк, Л. Свендсен), а также в диссертационных исследованиях философско-культурологического профиля (Т.О. Бердник, Я.В. Быстрова, Н.М. Калашникова, К.Г. Серебрякова). Особую ценность для разработки концепции исследования имели труды историка костюма Р.М. Кирсановой, представляющие собой искусствоведческую версию системного подхода к изучению костюма. Акцентируя внимание на знаковом потенциале костюма, Р.М. Кирсанова отмечает его способность информировать о месте человека в системе социальной иерархии, о разделяемых или нарушаемых им моделях поведения, принятых в том или ином сообществе. Представляя филологический аспект своей концепции, Р.М. Кирсанова подчеркивает, что в литературе вещь оказывается “знаком знака”. Она ставит писателя перед выбором “слова-вещи”, отдавая предпочтение тому, что больше соответствует его авторскому замыслу. Авторский выбор “языка костюма” ориентирует на культурный контекст эпохи со всеми проблемами ее литературной и политической жизни, на обстоятельства личной и творческой биографии художника, его культурного опыта, особенностей художественного стиля, психологии героев произведения и его потенциального читателя. Крупномасштабное филологическое исследование костюма и моды в европейской и русской культурах представлено в монографии О.Б. Вайнштейн «Денди: мода, литература, стиль жизни» (М., 2005), написанной в рамках научной традиции, получившей на Западе название *cultural studies*. Трактория научных изысканий О.Б. Вайнштейн проходит через три пространства — *мода, литература и стиль жизни* — в границах пересечения которых, при всей автономности их бытования, проступают неожиданные связи. Рассуждая о денди, автор, по собственному ее замечанию, то и дело ссылается на литературных персонажей, как если бы те были реальными людьми, объясняя это обстоятельство особыми отношениями, существующими между дендизмом и литературной традицией. Хрестоматийные образцы подобного “альянса” искусства жизни и литературы — лорд Байрон и А. С. Пушкин.

Системный анализ разнообразных фактов из истории костюма и моды, представленных в исследованиях, составляющих культурологический вектор гуманитарного знания, дает ценный материал для разработки коммуникационной модели костюмной культуры и обоснования позитивного эффекта взаимодействия филологии и культурологии в исследовании специфики функционирования костюмных текстов в пространстве повседневных/литературных коммуникаций.

В параграфе 1.3 «Застольная культура в гуманитарных исследованиях» представлен обзор научных исследований, посвященных еде и застолию в истории культуры (П. Бранг, Ж.-Ф. Ревель, И.А. Богданов, М.В. Загидуллина, А.В. Костяев, Ю.М. Лотман, В.А. Мильчина, К.С. Пигров, В.В. Похлебкин). Отме-

чается, что в гуманитарных исследованиях последних лет по застольной тематике преобладают работы филологического профиля, посвященные лингвистическим аспектам функционирования кулинарной лексики (С.И. Бахтина, Т.Н. Куренкова, Ма Яньли, И.К. Миронова, И.В. Чирич). Философско-культурологический вектор в исследованиях застольной культуры представлен сравнительно небольшим числом авторов (М.В. Капкан, С.А. Кирилленко, Н.В. Скляренко). Ценнейшим материалом при разработке концепции исследования явилась книга Ю.М. Лотмана и Е.Л. Погосян «Великосветские обеды» (СПб., 1996), остающаяся на сегодняшний день практически единственным полноценным опытом культурологической репрезентации картины русского дворянского застолья XVIII–XIX веков. Каждая из составляющих этой картины — застольный интерьер, меню, блюда, напитки, технология их приготовления, этикетные формы обслуживания и потребления пищи, застольные ритуалы и застольные игры, а также творцы и участники застольного действия — несут в историческом времени свою семантическую функцию. Вне конкуренции по своему научному потенциалу и художественным достоинствам остаются труды отечественного историка-международника и историка кулинарной культуры В.В. Похлебкина, область научных интересов которого — гастрономическая история, семиотика кухни, кулинарная антропология, психосоциология русской кухни. В методологическом и фактографическом аспектах особую ценность для настоящего исследования представляет книга В.В. Похлебкина «Из истории русской кулинарной культуры. Кушать подано!» (М., 2005), посвященная гастрономическим мотивам в русской классической литературе, в которой ее автор на основе кулинарного лексикона текстов русской драматургии от Фонвизина до Чехова восстанавливает и подробно комментирует репертуар кушаний и напитков конца XVIII–начала XX века, а вместе с ним и репертуар писательского застолья.

В параграфе 1.4 «Ольфакторная культура в гуманитарных исследованиях» представлен обзор немногочисленных публикаций, посвященных ароматам и запахам в русской культуре, в которых “обоняемая повседневность” Отечества репрезентируется в таких культурологических ракурсах как запах утра, дня и вечера, запах детства и запах смерти, “дымы отечества” и запахи чужбины, статус и запах, аромат перемен, запахи усадьбы, аромат родного дома и запах счастья (К.А. Богданов, Е.Е. Дмитриева, Е.А. Жирицкая, Р.М. Кирсанова, А.Г. Левинсон). Ароматы и запахи русской словесности исследуются в работах О.Б. Кушлиной, Н.А. Рогачевой, Н.Л. Зыховской. Попытка культурологического анализа феномена запаха в сакральной и профанной сферах культуры принята М.А. Епанешниковой.

Оригинальный опыт реконструкции ольфакторного образа Петербурга XVIII–XX столетий представлен в монографии историка В.В. Лапина «Петербург. Запахи и звуки» (СПб., 2007), ориентирующегося в своих изысканиях на известную схему Н.П. Анциферова “анатомия — физиология — психология” жизни города. Важным в контексте концепции настоящего исследования представляется суждение В.В. Лапина о том, что, изучая ольфакторную ауру Петербурга

бурга, невозможно обойти произведения отечественных литераторов, ибо ароматы города на страницах их произведений одновременно суть отражения реальности и художественные приемы.

Актуализация повседневности как объекта гуманитарного знания привела к выводу о природной несовместимости ее объектов с всевозможными типологиями и структурами, в то время как именно эта сфера междисциплинарных исследований в силу ее “всемирной отзывчивости” как раз и требует наибольшей методологической строгости. Однако невозможность извлечения “чистой” повседневности из сумрака жизненных реалий и ощущений и фактическое растворение ее во внеповседневных пластах жизни вовсе не свидетельствуют об отсутствии перспективы в поиске “общих мест” в этой сфере на теоретическом уровне. Последнее достижимо в контексте информационно-коммуникационного подхода, оптимально соответствующего специфике функционирования культурных форм в многомерном пространстве повседневности.

Вторая глава «Повседневные коммуникации и культурологическое знание» посвящена актуализации информационно-коммуникационного подхода применительно к предметной области “повседневная культура”. Анализируются формы репрезентации повседневности в костюмных, застольных и ольфакторных текстах культуры в контексте универсальных категорий указанного подхода. Изложение материала сопровождается культурологическими сюжетами.

В параграфе 2.1 «Повседневная культура как информационно-коммуникационная система» приводится обзор различных толкований понятия “коммуникация”, получивших распространение в обыденной практике и научном дискурсе (И.М. Быховская, Д.Б. Гудков, М.С. Каган, А.П. Панфилова, А.В. Соколов, А.Я. Флиер, др.). Раскрывается суть авторской версии информационно-коммуникационного подхода и содержание его ключевых категорий. Представляется коммуникационная модель предметной области “повседневная культура”, приводятся дефиниции понятий “текст повседневности”, “повседневная коммуникация”, “культурологическая информация”, описывается морфологическая структура текстов повседневной культуры.

С позиции системного культурологического подхода специфика и характер социального функционирования явлений повседневной культуры как подсистемы культуры могут быть исследованы в следующих аспектах: субъектно-объектном, духовно-содержательном, функционально-деятельностном, материально-идеальном, институциональном/внеинституциональном, морфологическом. В своих истоках данная модель восходит к концепции трехмерного строения художественной культуры М.С. Кагана, выделяющего организационно-институциональный, духовно-содержательный и морфологический аспекты ее функционирования². Информационно-коммуникационный подход является версией системного культурологического подхода и основан на понимании куль-

² Каган М.С. Эстетика как философская наука. СПб.: Петрополис, 1997. С. 247–250.

туры как информационно-коммуникационной системы. В качестве базовых категорий указанного подхода выступают понятия “социокультурная коммуникация”, “социальная информация”, а также их “производные”: коммуникационное пространство/время, субъекты коммуникации, коммуникационные сообщения, коммуникационные потребности, коммуникационная культура, коммуникационная деятельность, социальная/культурная память, повседневная коммуникация, литературная коммуникация, культурологическая информация. В своей совокупности указанные категории образуют коммуникационную модель системы “культура”, потенциально адаптируемую к любым ее сферам, и задают соответствующий исследовательский контекст интерпретации текстов культуры как носителей культурологической информации.

Понятие “*социокультурная коммуникация*” (далее СК) трактуется предельно широко как совокупность процессов, связанных с функционированием смыслов культуры в социальном времени и пространстве, включая их распространение, взаимодействие, трансформацию, а также восприятие, освоение, оценку и интерпретацию. Смыслы культуры (идеи, знания, эмоциональные переживания, волевые побуждения, идеалы, верования, ценностные ориентации, др.) составляют содержание коммуникационных сообщений/текстов, функционирующих в пространстве социокультурных коммуникаций в различных знаковых формах. При выборе базовых признаков, идентифицирующих различные *типы СК*, определяющее значение имеет коммуникационный ракурс, то есть конкретные варианты коммуникационных ситуаций, в пределах которых происходит передача смыслов или обмен ими, включая коммуникационный статус субъектов культуры, специфику коммуникационного пространства и времени, цели реализации СК, виды используемых каналов, доминирующую форму коммуникационной деятельности, наличие и тип обратной связи, пр.

Социальная информация, будучи продуктом интеллектуальной деятельности человека, идеальна, абстрактна и вне сознания познающего субъекта не существует. Информация обнаруживает себя в коммуникационном взаимодействии субъектов культуры, а коммуникация – в функционировании смыслов культуры, обретающих в процессе их освоения реципиентом статус информационного (коммуникационного) сообщения, которое в контексте культурологического анализа интерпретируется как текст культуры. При этом в зависимости от конкретной исследовательской задачи и исходного материала под категорию “текст культуры” попадают: *текст вербальный* (устный, письменный, печатный), в совокупности составляющих его лексических фрагментов и бытующих внутри него мотивов, сюжетов, образов; *текст невербальный* (артефакты, модели поведения); *дискурсивные практики*. Вербальные тексты культуры служат инструментом для анализа невербальных текстов. Те и другие рассматриваются как носители культурологической информации.

Формированию концепта “*культурологическая информация*” как категории культурологического знания объективно содействовали следующие факторы: активное вхождение в обиходный и научный лексикон второй половины

XX века понятия “информация” и последующее осмысление его как феномена культуры и общенаучной категории; актуализация научной проблемы “культура, информация, общество” в контексте социально-гуманитарного знания; активизация междисциплинарных взаимодействий в научно-образовательной сфере и становление культурологии как специализированной системы знаний о культуре. В общем случае к культурологической информации следует отнести те сведения об объектах/субъектах культуры, которые были выявлены, проанализированы и обобщены с позиции системного культурологического подхода. При этом потенциальными источниками культурологической информации являются любые социальные документы, независимо от своего происхождения и используемой знаковой системы. Важно отметить, что в качестве источника культурологической информации текст культуры может быть рассмотрен только при условии вхождения его в отношения с другим текстом, ибо «...сознание нуждается в сознании, текст – в тексте, культура – в культуре» (Ю.М. Лотман).

“Линия жизни” текста культуры потенциально включает в себя различные “срезы” функционирования культурологической информации: *производители текстов культуры — тексты культуры — потребители текстов культуры; тексты культуры — тексты культуры; тексты культуры — личность — социальная группа — массовая общность — историческое общество, др.*

Свойство повседневности “ускользает” от окончательных дефиниций и структуризацией свидетельствует в пользу информационно-коммуникационного подхода к познанию явлений культуры, теоретический потенциал которого в большой мере ориентирован на специфику функционирования культурных форм. В данном случае под “повседневностью” понимаются явления/события, переживаемые как обычные, привычные, повторяемые, непрерывные, естественные. Соответственно под “внеповседневностью” понимаются явления/события, переживаемые как необычные, непривычные, не имеющие постоянных ритмов, необязательные, неестественные.

Повседневная коммуникация трактуется как функционирование (распространение, взаимодействие, трансформация, др.) смыслов/образов повседневной культуры в социальном пространстве и времени. Методология изучения явлений повседневной жизни в контексте коммуникационных координат различного уровня способна дать соответствующий материал для “текстуализации” их смыслов/образов, придающей повседневности статус текста культуры, имеющего свои специфические структуру и функции.

Под *текстами повседневности* понимаются тексты культуры, являющиеся потенциальными носителями знаний о субъектах, явлениях, событиях повседневной жизни. При этом репрезентация повседневности является основой текстов различной природы – вербальных (научных, мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных) и текстов невербальных (визуальных, поведенческих). *Тексты внелитературной повседневности*, будучи осмысленными на уровне художественного сознания, трансформируются в тексты *литературной повседневности*, под которой понимаются реалии повседневной жизни, вопло-

щенные в литературно-художественных образах, повседневность литературных персонажей. Другое значение термина “литературная повседневность” связано с профессиональной повседневностью субъектов литературной культуры и литературных коммуникаций (писатель, издатель, критик, др.), или “литературным бытом”. В определенном контексте можно говорить и о пространстве “окололитературной повседневности”, если иметь в виду, что образцы, формируемые литературной культурой, входят в повседневную жизнь социума не только путем их прямых заимствований “человеком читающим”, но и путем опосредованных влияний на “человека не читающего” или читающего “иные” тексты.

Специфика повседневной среды обитания человека опосредована сложным взаимодействием ее вещно-бытовых и ментально-бытийных культурных пластов, которые, в свою очередь, находят отражение в *морфологической структуре повседневной культуры*. В диссертации структура повседневной культуры представлена в виде перечня категорий информационно-коммуникационного подхода, адаптированных к специфике ее предметной области (*коммуникационное пространство/время повседневности, субъекты повседневных коммуникаций, повседневные коммуникационные потребности, повседневная коммуникационная культура, повседневная коммуникационная деятельность, социальная/культурная память*). Последние образуют в своей совокупности модель системы повседневных коммуникаций, служащую основой для анализа репрезентации повседневности в текстах культуры.

Одной из самых репрезентативных в информационном аспекте категорий является категория “коммуникационная деятельность”, в контексте которой тексты культуры функционируют как диалоговые (диалог–согласие, диалог–конфронтация), управленческие (управление–согласие, управление–конфронтация) или подражательные. В реальной повседневной жизни жестких границ между указанными выше формами коммуникационной деятельности естественно не существует. Но в конкретных коммуникационных ситуациях при наличии всех прочих форм, как правило, доминирует одна, что и позволяет на теоретическом уровне различать диалоговые, управленческие или подражательные виды повседневных СК, а тексты повседневности соотносить в зависимости от коммуникационной ситуации с определенным типом коммуникационного сообщения (“диалог”, “управление”, “подражание”).

Применительно к конкретным реалиям повседневной жизни (костюм, застолье, запахи) содержание перечисленных категорий обретает свою специфику, обусловленную спецификой “жанра” репрезентирующих их текстов культуры (костюмные, застольные, ольфакторные), при сохранении “преемственности” по отношению к исходным категориям общесистемного уровня в семантическом плане. Как неизбежные реалии повседневной жизни костюм, еда, ароматы и запахи, сочетая в своей совокупности материальное и символическое, обладают ярко выраженной коммуникативной функцией, репрезентируя при этом мир человека во всем многообразии его взаимоотношений с миром

внешним. При этом костюмные, застольные, ольфакторные тексты культуры не просто “регистрают” видимые события частной жизни человека, а репрезентирует ее экзистенциальную сущность. Задача же культуролога заключается в выявлении, контекстуализации и интерпретации этой сущности в рамках культурологического метода.

Параграф 2.2 «Костюмные тексты в пространстве повседневных коммуникаций» посвящен анализу категорий “костюмный текст”, “костюмная коммуникация” — производных от исходного понятия “костюм” как текста культуры и знаковой системы. Приводятся авторские дефиниции указанных категорий. Дается морфологическая структура костюмных текстов. Рассматривается специфика репрезентации повседневности в костюмных текстах культуры и характер их функционирования в пространстве повседневных коммуникаций. *В материальном измерении* костюм — вещь, предмет повседневного обихода и/или художественное произведение. *В идеальном* — образ эпохи, мира людей, художественный образ. Потребностью в одежде человек «отличается от других животных и тем прямо указывает на отношение одежды к высшей, чисто человеческой стороне своей природы» (С.М. Соловьев). С одной стороны, костюм — «инструмент, посредством которого тела подчиняются социальному правилу» (Н.Н. Козлова). С другой — знак, свидетельствующий о принадлежности его обладателя к определенной социальной группе. И каким бы ни был костюмный выбор человека, сам по себе он уже является выражением его ценностных ориентаций в повседневной жизни (Р.М. Кирсанова).

Костюмный текст функционирует на основе исторически сложившейся совокупности знаковых и символических компонентов идеально-материальной природы, используемых при оформлении внешнего вида человека (одежда, обувь, аксессуары, макияж, прическа), которая включает: костюмные средства художественно-эстетической выразительности (форма, ткань, цвет, узор); методы моделирования костюма (пластика, ритм, пространственная композиция); этикетные нормы ношения костюма; эстетические потребности и вкус в сфере костюмной моды; эмоциональные переживания и физические ощущения, связанные с костюмом как ближайшей средой обитания человека. *“Костюмная коммуникация”* — разновидность невербальных повседневных коммуникаций, связанных с функционированием костюмных текстов повседневной культуры. Костюм является универсальным способом социальной идентификации и саморепрезентации человека, защиты и эстетизации его тела, но одновременно и уникальным “индикатором” его души, богатейшим тезаурусом скрытых смыслов культуры.

В диссертации представлен культурологический опыт интерпретации костюмных текстов в контексте категорий информационно-коммуникационного подхода, наиболее репрезентативными из которых являются категории “коммуникационное сообщение”, “коммуникационная деятельность” и “социальная/культурная память”.

“Костюм–коммуникационное сообщение”. Морфологическая структура костюмного текста как некоего высказывания/послания, обуславливает специфику его репрезентации как *артефакта, модели поведения* (этикетные нормы, костюмные ритуалы) или *художественного образа* на невербальном (визуальном) и вербальном уровнях. *“Костюм–визуальный образ”* — образы реальных или вымышленных костюмов и костюмного поведения, воспринимаемые непосредственно в процессе межличностных контактов с ближайшим окружением или опосредованно через документальные каналы костюмной СК (произведения изобразительного искусства, изопродукция, рисунки, фотографии, чертежи выкроек). *“Костюм–вербальный образ”* — словесное описание моделей одежды (модные журналы, руководства для шитья, выкройки), а также реальных костюмов, образцов костюмного поведения и связанных с ними эмоций, представленных в устной, письменной или печатной форме, включая художественную литературу.

Структура костюмного текста в сокращенном варианте имеет следующий вид: костюмный текст/время-пространство (историческое, локальное, приватное); костюмный текст/имя (происхождение, назначение); костюмный текст/средства художественной выразительности (форма, ткань, цветовой фон, декор, аксессуары); костюмный текст/впечатление (зрительные, слуховые, обонятельные, осязательные, эмоциональные, художественно-эстетические эффекты костюмных СК); костюмный текст/персона (статус, социально-психологический тип); костюмный текст/социальный институт (индустрия моды, техника/технология); застойный текст/метафора.

“Костюм–коммуникационная деятельность”. В рамках *диалоговых СК* реализуется ключевая функция костюма — служить опознавательным знаком *своих и чужих*. В аспекте внутриличностных коммуникаций и ощущений *“костюмный текст “диалог–согласие”* фиксирует некое родство “тел и душ” костюма и его хозяина, ибо здесь костюм не только очерчивает видимую форму человеческого тела, но и составляет с ним единое материально-духовное целое. *“Костюмный текст “диалог–согласие”* наиболее полно реализует свой информационный потенциал *в ритуальном пространстве культуры*, в котором субъекты культуры, посредством языка костюмных СК демонстрируют свою добровольную (или вынужденную) причастность к той или иной субкультурной общности. В ситуации *“диалог–конфронтация”* костюм демонстрирует принадлежность субъектов СК к различным духовным сообществам, становясь формой выражения их идеологических пристрастий, этических позиций, эстетических вкусов, публично противопоставляемых официально принятым моделям поведения. Скрытое противостояние костюмных текстов, проявляемое на интуитивном уровне, поддается распознаванию и объяснению зачастую лишь при соучастии иных текстов культуры, литературных или живописных, хранящих память об эмоциональной ауре исторического момента.

В ситуации *“управление–согласие”* проявляется важнейшая общественная функция костюмной моды — формирование и внедрение в обыденное сознание

социальных групп или массовых общностей внешнего стереотипа, идеальной ценности, служащей средством *социальной интеграции*. В ситуации “управление-согласие” функционирует *костюм-униформа* — знак принадлежности ее обладателя к классу, ведомству, группе, корпорации. Военные, ведомственные, спортивные и иные униформы создаются, как правило, без участия их будущих владельцев, но принимаются ими согласно требованиям рода их деятельности. Для костюмной культуры дореволюционной России ярким образцом этой формы коммуникации являлся *мундир* как обозначение причастности человека к государственной службе. В этом же режиме функционирует и *традиционный костюм*, всегда “согласуемый” с обычаями этнической общности. Ситуация “управление-согласие” обнаруживает себя и во *внутриличностной костюмной СК*. Человек “играет” костюмом, подчиняя его форму пластике своего тела. Но и костюм “играет” человеком, заставляя его повиноваться пространству и ритму своего силуэта. «Тело руководило ритмом складок драпирующихся одежд лишь в эпоху античности. Все последующие этапы истории костюма — это диктат внешних оболочек над живым телом» (Р.М. Кирсанова). В ситуации “управление-конфронтация” костюм выступает как знак оппозиции *своих* и *чужих* взглядов, как средство подавления идеологического сопротивления, как способ реализации социального заказа, инициируемого первыми лицами государства. Ярким образцом костюмной политики являются модные новации времен Петра I, Елизаветы Петровны, Павла I и Николая I.

Взаимодействие форм “подражание” и “управление-согласие” иллюстрируют такие полярные по своей природе феномены как *мода* и *униформа*, представляющие две противоположные по вектору движения культурных смыслов тенденции, олицетворяющие собой свободу самовыражения и законопослушание. Однако и мода, и униформа, хотя и в различной степени, являются заложниками “воли” обеих этих тенденций. Ибо мода есть иллюзия свободы выбора, которая всегда будет ограничена предлагаемым ассортиментом объектов и стандартов, “назначенных” быть модными. Законы, регламентирующие норму (униформу), так или иначе, вынуждены “сверять часы” с модными тенденциями времени. В истории европейской моды *дендизм*, в родословной которого сошлись модные модели жизни различной природы — интеллектуальной, вещной, поведенческой — можно считать классическим образцом костюмного текста “управление / подражание”.

Самостоятельное значение приобретают и игровые формы костюмных коммуникаций. “*Костюм-состязание*” — диалоговая СК, костюмная “ярмарка тщеславия”, демонстрация костюма как свидетельства имущественного, социального, статусного, нравственного, эстетического и иного превосходства. “*Костюм-маскарад*” — управленческая СК, где костюм используется как самый доступный способ манипулирования окружающими, сокрытия подлинных намерений и эмоционального состояния. Независимо от ситуации, в которой реализуются маскарадные функции костюма, будь то бал-маскарад или заурядное повседневно, политическая арена или профессиональная сфера, “костюм-

маска” это всегда игра в имидж. “*Костюм-иллюзия*” — управленческая СК — самообман, самовнушение, сотворение себя “Другого” посредством костюмного образа. “*Костюм-загадка/разгадка*” — подражательная СК, “игра-заимствование” костюмных моделей поведения или “игра-познание”, разоблачение скрытой за костюмной формой подлинной сущности человека.

“*Костюм-культурная память*”. “Костюмная память” обнаруживает себя в названиях различных видов одежд, заимствованных из внекостюмной среды у стран, городов, событий военной, научно-промышленной и художественной жизни, реальных или вымышленных героев. Важнейшее звено “костюмной” памяти поколений — музеи, выставки, частные коллекции костюмов, модные журналы и фотографии образцов одежды былых эпох. С уходом живых носителей костюмной традиции уходит в небытие и костюмная “память тела” — телесные привычки, обусловленные нормами костюмного поведения. Являясь своего рода “штрих-кодом” повседневного быта/бытия, костюм обрекает статус источника культурологической информации.

Параграф 2.3 «*Застольные тексты в пространстве повседневных коммуникаций*» посвящен анализу категорий “застольный текст”, “застольная коммуникация” — производных от исходного понятия “застолье” как текста культуры и знаковой системы. Даны авторские дефиниции указанных категорий. Приведена морфологическая структура застольных текстов культуры. Рассматривается специфика репрезентации повседневности в застольных текстах культуры и их функционирования в пространстве повседневных коммуникаций.

В патриархальном обиходе стол — место сакральное. Он и престол Божий, и центр всего домашнего бытия, чем и объясняется авторский выбор лексемы “застольный”, покрывающей по своему смысловому содержанию все прочие (“пищевой”, “кулинарный”, “гастрономический”). В галерее ценностей повседневной жизни еда занимает совершенно особое место. И хотя человек разумный живет не для того, чтобы есть, еда человеку нужна каждый день для того, чтобы вкушать радость повседневного бытия. Если обратиться к онтологии еды с философских позиций, то еда оказывается не просто «фундаментальным аспектом бытия». Само «поглощение пищи есть существенное онтологическое отношение, обозначающее контакт между живой и косной материей. <...> Сначала возникла еда, а уж потом жизнь» (К.С. Пигров). Еда и искусство жизни напрямую связаны с категорией “вкус”, если иметь в виду, что вкус это и «мировоззрение, мировосприятие, миропонимание» (П. Вайль). Специфическая область знания *гастика* квалифицируется специалистами в сфере невербальных коммуникаций как «наука о знаковых и коммуникативных функциях пищи и напитков <...> снадобий и угощений» (Г.Е. Крейдлин). Вопреки традиционному представлению о застольных коммуникациях как беседах за столом, в данном исследовании под “застольными коммуникациями” понимается широкий круг явлений, связанных с функционированием застольных смыслов/образов/текстов культуры в социальном пространстве и времени, их распространением, восприятием, освоением, интерпретацией.

“Застольные тексты повседневной культуры” формируются на основе исторически сложившейся *совокупности знаковых и символических компонентов духовно-предметной среды*, связанной с потреблением человеком пищи, включающей в себя: исходные продукты и технологию их обработки; ассортимент блюд, напитков и рецептура их приготовления; застольный интерес и аксессуары; этикетные формы подачи блюд; модели застольного поведения; тосты, застольные беседы; гастрономические предпочтения, вкусы, переживания, сопутствующие застолью. В диссертации представлена авторская версия интерпретации застольных текстов в контексте категорий информационно-коммуникационного подхода, включая категории “коммуникационное сообщение”, “коммуникационная деятельность” и “социальная/культурная память”

“Застолье–коммуникационное сообщение”. В пространстве повседневных СК функционируют визуальные и вербальные образы застолья, выступающие, как минимум, в трех ипостасях: “застолье–вещь”, “застолье–модель поведения”, “застолье–описание”, в том числе, в художественной литературе. *Первая ипостась* – собственно еда или питье как материальная субстанция, то есть съедобная вещь. *Вторая* — застолье как модель поведения, свод правил, этикетные нормы, застольный ритуал, застольные ситуации. *Третья ипостась* — словесное описание застолья: от идеи до стадии послевкусия.

В контексте пространственно-временных координат *морфологическая структура застольных текстов* имеет следующий вид: застольный текст/время застолья; застольный текст/место застолья; застольный текст/статус застолья; застольный текст/тип стола; застольный текст/приглашение к столу; застольный текст/продукты; застольный текст/блюда; застольный текст/напитки; застольный текст/интерьер; застольный текст/аксессуары; застольный текст/этикет; застольный текст/беседы; застольный текст/эмоция; застольный текст/персонал; застольный текст/рецепт; застольный текст/меню; застольный текст/книга; застольный текст/метафора.

“Застолье–коммуникационная деятельность”. *Совместная трапеза* — одна из самых древних и устойчивых форм социализации, восходящая к ритуальным магическим жертвоприношениям древности, уже включает в себя *диалогическое начало*, воплощаемое в коллективном переживании удовольствия от вкушаемых блюд и напитков и обмене мнениями на предмет порождаемых ими вкусовых ощущений, ассоциаций, воспоминаний. *Форма “диалог-согласие”* проявляет себя в приверженности едоков, принадлежащих одной субкультурной общности (этнической, религиозной, региональной, сословной, клубной, семейной) к застольным традициям своей группы. “*Диалог-конфронтация*”: любые оппозиции в застольной сфере, в какой бы форме они ни выражались — инь/янь, сырое/вареное, скромное/постное, мясное/вегетарианское, сладкое/горькое, либо гастрономические пристрастия едоков разных культур — потенциально несут в себе конфронтационный заряд. Но наиболее ярко конфронтационный эффект застольных коммуникаций проявляет себя в оппозиции сытость/голод, ибо, как гласит народная мудрость, “сытый голодного не разумеет”.

“Застольный текст-управление”: даже не будучи гурманом, “человек вкушающий” способен диагностировать управляющую функцию еды вообще и конкретного кулинарного продукта в частности на свое самочувствие, физическое или эмоциональное. Диапазон действия одного и того же блюда или напитка в зависимости от психофизики “человека вкушающего” и конкретной коммуникационной ситуации может значительно колебаться: от благотворного до губительного, от расслабляющего до возбуждающего, от умиротворяющего до агрессивного. При этом обоюдное управляющее воздействие еды и эмоций далеко не всегда прогнозируемо. Так, стресс или обычное волнение, либо антипатия к кому-либо из сотрапезников могут в одночасье вызвать совершенно противоположные реакции у разных людей — от внезапно возникшего чувства голода до полного исчезновения аппетита. В режиме “управление-согласие” функционируют застольные тексты, отражающие сложившиеся в истории повседневной культуры нормы застольного этикета и различные формы унификации застольных услуг, как, например, “право первой ложки” в домостроевские времена или разнос блюд по чинам в дворянской среде. К этой же форме застольных СК можно отнести ресторанные меню или комплексные обеды в студенческой столовой, ибо представленный в них ассортимент блюд и напитков не только управляет аппетитом своих потребителей, но и предполагает вызвать с их стороны адекватный платежеспособный спрос. “Застольный текст-управление-конфронтация”: в застольной истории России есть немало примеров, когда власть имущие использовали в качестве силового аргумента для достижения своих целей “продовольственный фактор”.

“Застольный текст-подражание”: как и любой другой сфере культуры, застолью не чужда мода. Заимствование модных рецептов для домашнего употребления или блюда европейской кухни в ресторанах российских столиц, модные диеты для коррекции фигуры или лечебное голодание — все эти явления застольной культуры, так или иначе, скрывают в себе установку на подражание, зачастую порождающую манию к азартным играм с предметом своего поклонения. В диссертации представлены сюжеты, репрезентирующие специфику функционирования застольных текстов культуры в контексте “типовых” моделей игровых коммуникаций — игра-маскарад, игра-состязание, игра-иллюзия, игра-загадка.

“Застолье-культурная память”. Помимо индивидуальных вкусовых ощущений, иллюстрирующих эффекты ассоциативной, эмоциональной памяти частных лиц о былых застольях и связанных с ними переживаниях, к традиционным образцам застольной памяти относятся старинные *поваренные книги* и “исторические” *меню*. Кулинарные реликвии России — книга В.Ф. Одоевского «Кухня. Лекции господина Пуфа...», (1844–1845), неоднократно переиздававшиеся «Подарок молодым хозяйкам» Е.И. Молоховец (1861) и «Книга о вкусной и здоровой пище» (1939), а также многочисленные труды историка кулинарной культуры В.В. Похлебкина. Другим “жанром” застольной культурной

памяти являются музеи *еды и напитков*, а также *выставки, посвященные культуре еды и питья*.

Параграф 2.4 «Ольфакторные тексты в пространстве повседневных коммуникаций» посвящен анализу понятий *ольфакторная коммуникация, ольфакторный текст*. Представлены авторские дефиниции указанных понятий. Описывается морфологическая структура ольфакторных текстов культуры. Дается краткая характеристика специфики репрезентации повседневности в ольфакторных текстах культуры и их функционирования в пространстве повседневных коммуникаций.

Ольфакторная, или обонятельная, коммуникация — разновидность невербальной повседневной коммуникации — определяется как совокупность процессов естественной/социальной природы, обуславливающих порождение и функционирование (распространение, взаимодействие, трансформацию) ольфакторных смыслов/образов/текстов культуры в социальном пространстве и времени. Ольфакторная коммуникация является предметом изучения ольфакции — «науки о языке запахов, смыслах, передаваемых с помощью запахов, и роли запахов в коммуникации» (Г.Е. Крейдлин). Трасектория движения обонятельного впечатления от природы к культуре включает в себя несколько стадий: действие пахучего вещества, возбуждение обонятельных рецепторов, оформление «ольфакторного послания», вызывающее обонятельное впечатление. Именно на этой стадии ольфакторных коммуникаций активно включается в «работу» смысловое поле культуры, благодаря чему обонятельный сигнал, попадая через нервные импульсы в головной мозг, соотносится с другой информацией и опознается как приятный/неприятный. Далее следует реакция на уровне поведения и социальных императивов (О.Б. Вайнштейн).

В отличие от костюмных и застольных реалий повседневной жизни запах с трудом поддается вербализации и структуризации. Исключения составляют искусственные ароматы, которые, являясь продуктами парфюмерной индустрии, функционирующей по законам производства, рекламы и потребления, имеют свои типологические характеристики. Любые попытки выявить «законы и меры» функционирования ольфакторной коммуникации как системы невозможны, во-первых, в силу разнообразия потенциальных источников, порождающих ольфакторную среду обитания человека, во-вторых, благодаря доминированию субъективных факторов, обуславливающих ее восприятие и оценку. Однако, несмотря на природную бессистемность «бытия» ароматов и запахов, обыденный опыт и анализ литературных источников различных жанров позволяют выйти на исходный перечень структурно-функциональных составляющих ольфакторных текстов культуры, к которым относятся: природные и искусственные ингредиенты воздушной среды обитания человека, неизбежно вдыхаемые им в силу естественной физиологической потребности организма к насыщению легким воздухом; этикетные модели ольфакторной культуры; ольфакторные предпочтения и вкусы «человека обоняющего»; эффекты ольфакторной коммуникации (эмоциональные, физиологические).

Специфика функционирования ольфакторных текстов культуры в пространстве СК обнаруживает себя в ходе их прочтения в контексте категорий информационно-коммуникационного подхода, в том числе, категорий “коммуникационное сообщение”, “коммуникационная деятельность”, “социальная/культурная память”.

“Ароматы/запахи—коммуникационные сообщения”. Специфика порождения и функционирования ольфакторных смыслов/образов/текстов культуры обусловлена взаимодействием целого ряда факторов естественной и социальной природы. К ним относятся: неотвратимость вдыхания человеком ароматов и запахов как неотъемлемых атрибутов окружающего пространства; генетическая предрасположенность или неприязнь человека к тем или иным ароматам и запахам; конкретная коммуникационная ситуация (пространственно-временная, социально-психологическая, эмоциональная); широта диапазона ароматических ингредIENTов и вариантов их синтеза. И хотя обоняние человека физиологично, “дешифровка” запаха неизбежно регулируется культурными установками, соответственно и “прочтение” ольфакторного текста во многом зависит от культурного контекста (О.Б. Вайнштейн).

Морфологическая структура ольфакторных текстов культуры в сокращенном варианте имеет следующий вид: ольфакторный текст/время повседневности; ольфакторный текст/пространство повседневности; ольфакторный текст/субъект культуры (статус, профессия, социально-психологический тип); ольфакторный текст/происхождение (источники ароматов и запахов); ольфакторный текст/этикет; ольфакторный текст/коммуникационный барьер; ольфакторный текст/эмоция; ольфакторный текст/социальный институт (парфюмерная индустрия, реклама); ольфакторный текст/метафора.

“Ароматы/запахи—коммуникационная деятельность”. Запах оказывает либо негативное, либо позитивное, реже нейтральное действие на эмоции, физическое состояние и мысли человека. *Диалогические контакты* в ольфакторной сфере *в форме согласия* потенциально имеют место в отношениях близких людей (мать — ребенок, сексуальные партнеры, запах родного дома).

Управление: обонянием человека легко манипулировать. Запахи управляют настроением, самочувствием, поведением, работоспособностью, волей. Они способны отчуждать и притягивать, возбуждать и умиротворять. В публичных пространствах человек вынужденно оказывается под влиянием нежелательных ольфакторных контактов. Исключение составляют ситуации, когда объективно неприятный запах, распространяясь в субъективно приемлемой концентрации, не фиксируется сознанием как навязанный извне, и, как следствие, «не порождает текста» (А.Г. Левинсон). *“Согласие”* вокруг терпимого уровня концентрации чужеродного запаха скрепляет коллектив, но, как и всякое другое “согласие”, может быть в одночасье нарушено, став поводом или причиной конфликта. *“Конфронтация”*: несмотря на то, что нос как орган обоняния, в отличие от зрения или слуха, оказался отключенным от влияния культурной сферы, запах гораздо в большей степени, чем визуальный или слуховой образ, спосо-

бен провоцировать конфликтные ситуации между людьми разных культур, статуса, пола, возраста.

Ольфакторная экспансия любого типа — от незитичного навязывания своего запаха до несанкционированного вторжения чужеродного аромата в приватное пространство — заставляет соперника испытать дискомфорт провоцируя ответную агрессию. Продукты парфюмерной индустрии являют собой институализированную форму подавления естественных запахов человеческого тела ароматами культуры. Реклама парфюмерных ароматов стимулирует инстинкт *подражания*, внедряя в массовое сознание стереотипы ольфакторного поведения.

“Ароматы/запахи—культурная память”. Любые изменения в привычной для человека ольфакторной ситуации мгновенно фиксируется им на подсознательном уровне, неизбежно стимулируя активность воображения, интуиции и эмоциональной памяти. Оригинальными образцами ольфакторной памяти поколений являются музейный проект Государственного Эрмитажа (2005) «Ароматы картины Караваджо» по воссозданию запахов цветов и фруктов, изображенных на картине Караваджо «Юноша с лютней», а также выставка «Коллекция Генриха Брокера» в ГМИИ им А.С. Пушкина (2008). Последняя представляла Г.А. Брокера (1836–1900), в том числе и как основателя парфюмерной индустрии в России — главу Торгового Дома “Товарищество Брокер и К^о”, продукция которого не только имела массовый спрос у населения, но и высоко ценилась при Дворе.

Анализ репрезентации повседневности в костюмных, застольных и ольфакторных текстах культуры внелитературной реальности в контексте категорий коммуникационного подхода позволяет сделать вывод о работоспособности коммуникационной модели “повседневная культура” — методологической основы для интерпретации текстов повседневности как источников культурологической информации.

Третья глава «Литературные коммуникации и культурологическое знание» посвящена проблеме актуализации информационно-коммуникационного подхода применительно к предметной области “литературная культура” и ее центральному звену — литературному тексту.

В параграфе 3.1 *«Литературная культура в гуманитарных исследованиях: культурологический вектор»* анализируется специфика межнаучных коммуникаций культурологического и филологического знаний, дается аналитический обзор научных публикаций, посвященных феномену “литературная культура”, анализируется культурологическое содержание ее предметной области. Пограничный характер темы диссертационного исследования выводит на проблему междисциплинарных взаимодействий филологии и культурологии в пространстве гуманитарной культуры. В диссертации представлен обзор суждений по этой проблеме ряда авторитетных специалистов обеих отраслей знания (К. Э. Разлогов, Т. Г. Струкова, Т. Д. Венедиктова, Дж. Каллер, Д. Бахман-Медик). По мнению К. Э. Разлогова, если в начале XX века культурология име-

ла статус “дочерней” по отношению к филологии сферы знания, а культурологические изыскания литературоведов составляли всего лишь один из векторов филологического знания, то сегодня культурология, теоретический потенциал которой в течение столетия обогащался достижениями различных областей знания, претендует на статус метатеории гуманитарных наук. Схожие суждения относительно сложившихся на рубеже XX–XXI веков взаимоотношений между филологией и культурологией высказал и профессор литературы Дж. Каллер (США). По его мнению, принципиальных противоречий между культурологическими и филологическими изысканиями нет. Ибо филолог не всегда имеет в виду концепцию литературного объекта, которую должен отвергнуть культуролог, а сама культурология изначально в своем развитии опиралась на технику литературоведческого анализа применительно к нелитературным объектам культуры. При этом культурные артефакты рассматриваются культурологией как тексты, которые подлежат прочтению. Филология выигрывает оттого, что литература рассматривается как одна из форм культурной деятельности, а ее произведения изучаются во взаимосвязи с другими дискурсами. Совместные усилия филологии и культурологии, полагает Дж. Каллер, способствуют возникновению более ясного представления о литературе как сложном интертекстуальном феномене. Несмотря на то, что филологи предпочитают руководствоваться оценочными методами, а культурологи использует симптоматический анализ культурных объектов, оба метода вполне применимы как к литературным, так и нелитературным текстам культуры. Принципиально важным в этой связи является следующее утверждение Дж. Каллера: внимательное чтение несхудожественных текстов не предполагает их эстетической оценки, а ориентация на “культурную репрезентативность” литературного произведения подразумевает, что мы оцениваем этот текст в первую очередь как документ эпохи.

В диссертации отмечается, что в качестве пограничного поля гуманитарной сферы, наглядно демонстрирующего векторы сотрудничества и соперничества филологического и культурологического знаний, может выступить предметная область “литературная культура”. Сам факт бытования понятия “литературная культура” в исследованиях гуманитариев, принадлежащих к различным научным школам, свидетельствует о его междисциплинарной, межнаучной природе, поскольку с одной стороны, оно семантически родственно понятиям “литературный процесс” и “литературная деятельность”, традиционно причисляемых к филологическому лексикону, а с другой — к категориям культурфилософского плана — “культурное пространство” и “культурная реальность”.

Впервые профессиональная характеристика категории “литературная культура” была дана В.Г. Белинским в серии критических обзоров литературной жизни России 1840-х годов. В них же, по всей видимости, впервые и появилось само словосочетание “литературная культура”³. Сегодня феномен “ли-

³ Белинский В.Г. Петербургская литература // Белинский В.Г. Собр. соч.: в 9 т. М., 1981. Т. 7. С. 255.

тературная культура” изучают гуманитарии различных научных школа и специализаций, филологи, социологи, философы (Б.В. Дубин, Е. Добренко, Э.Клоус, С.Н. Николаев Л.И. Сазонова, А.И. Рейтблат, др.). При этом каждый из исследователей, демонстрируя в силу своего научного опыта преимущественную ориентацию в сторону тех или иных научных традиций, “под давлением” исследуемого материала неминуемо выходит за границы своей исходной специализации, оказываясь в зоне действия междисциплинарного вектора гуманитарного знания. В диссертации делается вывод, что активный рост междисциплинарных исследований, основанных на использовании методов смежных гуманитарных наук, актуализировал вопрос о культурологическом содержании ключевой составляющей литературной культуры — литературного текста — и необходимости его изучения как феномена социокультурных коммуникаций и источников культурологической информации.

В параграфе 3.2 «Литературная культура как информационно-коммуникационная система» дается толкование понятий “литературная культура” и “литературные коммуникации”. Представляется авторская версия коммуникационной модели предметной области “литературная культура”. В контексте системного культурологического подхода литературную культуру логично рассматривать как подсистему культуры, функционально ориентированную на задачи литературно-творческой деятельности. С позиции коммуникационного подхода литературная культура — одно из структурных звеньев системы социокультурных коммуникаций — литературные коммуникации, под которыми понимается совокупность процессов, связанных с функционированием смыслов/образов/текстов литературной культуры в социальном пространстве и времени (распространение, взаимодействие, трансформация, восприятие, освоение, оценка, интерпретация).

Модель литературной культуры как системы литературных коммуникаций, формируется на основе совокупности категорий информационно-коммуникационного подхода. Особый статус в пространстве литературной культуры занимает художественная литература, поскольку она принадлежит одновременно двум культурным пространствам: 1) пространству литературному, в границах которого рождаются научные, публицистические, мемуарные, эпистолярные и иные литературные тексты нехудожественной природы; 2) пространству художественному, к которому принадлежат тексты, порождаемые языком искусств (словесные, изобразительные, архитектурные, музыкальные, театральные, кинематографические). В силу тех же причин художественная литература принадлежит одновременно пространству литературных и художественных коммуникаций. Многообразие и специфика функционирования культурных форм в пространстве литературных/художественных коммуникаций выводит на проблему информационного потенциала и источниковедческого статуса литературно-художественного наследия.

В параграфе 3.3 «Литературно-художественное наследие: информационный потенциал и эволюция источниковедческого статуса» приводится обзор

исследований, отражающих эволюцию взглядов гуманитариев на источниковедческий статус художественной литературы как носителя социальной информации различных видов (С.С. Данилов, А.В. Предтеченский, И.И. Миронец, Л.Н. Гумилев, М.Г. Рабинович, Н.Г. Думова, А.В. Блюм, С.О. Шмидт, Е.В. Душечкина, Е.Н. Цимбаева, Ю.М. Лотман, Е.С. Сенявская, М.Ф. Румянцева, Ю.В. Никуличев, А.К. Соколов, Е. Фарыно, др.). Оцениваются перспективы изучения художественной литературы как источника культурологической информации.

Проблема художественной литературы как источника культурологической информации имеет свою "родословную", корни древа которой уходят в историю взаимоотношений литературы и исторической науки. Позиция академического источниковедения в отношении художественной литературы длительное время была вполне однозначна: *в качестве исторического источника рассматривались только литературные тексты древности*. Вопрос о праве источника использовать художественную литературу в качестве исторического источника, впервые поставленный в 1964 г. А.В. Предтеченским, получил свое концептуальное осмысление в знаменитой работе Л.Н. Гумилева, отметившего, в частности, что «каждое великое и даже малое произведение литературы может быть историческим источником, но не в смысле буквального восприятия его фабулы, а само по себе, как факт, знаменующий идеи и мотивы эпохи». Сохранением такого факта «является его смысл, направленность и настроенность, причем, вымысел играет роль обязательного приема»⁴.

В 1990-е гг. академическое источниковедение, обратившись к истории ментальностей, квалифицировало произведения художественной литературы как «источник формирования исторических представлений» у массового читателя и как ценный материал «для понимания менталитета времени их создания и дальнейшего бытования...» (С.О. Шмидт). В трудах Ю.М. Лотмана и его школы литературный текст рассматривается как объект реального мира, как феномен культуры, формирующий идеи и представления людей. Постмодернистские тенденции в развитии мировой культуры XX века, повлекшие за собой кардинальный сдвиг в методологии гуманитарного знания, привели к осознанию непреодолимости извечного барьера в любых системах социокультурных коммуникаций, каким является человеческая субъективность. Актуализация опыта французской школы «Анналов» и активное проникновение в отечественную науку методов психологической реконструкции моделей бытия стимулировали российских ученых к новому герменевтическому прочтению субъективных продуктов художественного творчества.

Анализ работ, посвященных источниковедческому потенциалу художественной литературы, позволяет сделать вывод о том, что представители различных гуманитарных дисциплин сближаются в оценках источниковедческих

⁴ Гумилев Л.Н. Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником? // Рус. лит. 1972. № 1. С. 82.

аспектов художественной литературы с культурологическим подходом. Ибо «после той работы, что была проделана структуралистской ветвью обществознания <...>, сегодня нет, кажется, иной возможности, кроме, как считать все литературные тексты прошлого и даже настоящего документами историческими»⁵. Это обстоятельство побуждает перевести акцент с чисто отраслевого взгляда на проблему источниковедческого статуса художественной литературы в междисциплинарное русло культурологического знания, ориентированного не на поиск исторических “истин” и доказательств их достоверности, а на выявление фактов культуры и их интерпретацию.

В параграфе 3.4 «Литературный текст как источник культурологической информации о повседневной жизни» рассматривается содержание понятия “культурологическая информация” применительно к литературным текстам как потенциальным источникам этой разновидности социальной/гуманитарной информации. Анализируется информационный потенциал литературных текстов различных жанров (источники личного происхождения, художественная литература) как носителей культурологической информации о повседневной жизни. Объективно три обстоятельства придают литературному тексту любого жанра статус источника культурологической информации: 1) уникальность экспрессивных способностей слова как основополагающего “атома” и первичного элемента текстового взаимодействия любого уровня (внелитературная реальность/литературная реальность); 2) коммуникативная природа литературного текста; 3) эволюция читательского опыта, способствующая иному прочтению “старых” текстов (новая социокультурная, прагматическая, эмоциональная ситуация). При этом в перспективе исторического времени культурологический потенциал литературного текста остается практически неисчерпаемым. К традиционным источникам культурологической информации о повседневной жизни относятся так называемые эго-документы — дневники, мемуары, письма, позволяющие благодаря содержащимся в них случайным деталям и не случайным подробностям воссоздать картину повседневной жизни их авторов, равно как и социальной группы, к которым они принадлежали, и эпохи, породившей этих авторов и эти тексты. Очевидно, что художественная литература обладает особым статусом в системе источников социальной/гуманитарной информации, в определенной степени совмещая в себе эвристические способности эго-документов, но, одновременно, превосходя их по своей семантической силе, благодаря экспрессивному потенциалу языка изящной словесности. Смена эпох и уход из жизни реальных носителей культурных традиций делают художественную литературу зачастую единственными источником, способным запечатлеть тот ментальный срез повседневного бытия человека, который далеко не всегда поддается фиксации на языке науки.

⁵ Никуличев Ю.В. Время, бытие, быт в зеркалах русской литературы XIX в. // История России XIX–XX веков: новые источники понимания. М., 2001, С. 57, 63.

Информация, заложенная автором в художественном произведении, гораздо обширнее, чем собственно его текст, что и обнаруживается в процессе социокультурной коммуникации как “диалога” сознаний и порожденных ими текстов, принадлежащих разным культурам. В этом отношении произведения мировой классической литературы, чье текстовое пространство соткано из смыслов/образов разных культурных пластов, можно рассматривать как романы или гипертексты культуры. Эти тексты, понятные для образованного читателя своего времени, для читателей иных поколений превращаются в “архивированный файл”, хранящий “мегабайты” культурных смыслов, скрытых в авторских ассоциациях, аллюзиях, аллегориях и идеологических наслоениях, сопровождающих их “другую жизнь” в последующие эпохи. Потенциальными источниками культурологической информации о повседневности являются литературные сюжеты, мотивы, образы, репрезентирующие различные аспекты бытия и быта человека как проявления ментальных стереотипов времени и индивидуальных эмоциональных импульсов. Предметом культурологического анализа становятся информационные (знаковые, символические) функции художественных образов повседневности, “прочитанные” в контексте мысленной интеграции макро- и микроанализа литературного произведения как текста литературной культуры, ядро которой составляют автор — текст — читатель. В методологическом плане одним из самых сложных аспектов исследования литературно-художественного текста как источника культурологической информации становится проблема соотношения в его пространстве художественной и научной информации. В идеале задача культурологического осмысления художественного текста требует от исследователя «равного умения охватить предмет мыслью и уловить чувством то, что еще не поддается мысли» (М.Л. Гаспаров). Именно благодаря взаимодействию логического и внелогического внутри системы “культура” рождаются ее новые смыслы.

В диссертации отмечается, что проблема репрезентации повседневности в текстах культуры напрямую связана с информационно-коммуникационным потенциалом литературного текста и, в свою очередь, может быть интерпретирована как *повседневность в литературе и литература в повседневности*. Иными словами, речь идет о функционировании текстов внелитературной повседневности в пространстве литературных коммуникаций и текстов литературной повседневности в пространстве повседневных коммуникаций и о той культурологической информации, которую несут эти тексты культуры о повседневной жизни своих “соавторов” — эпохе, авторе, герое, читателе — в текущем и историческом времени.

Четвертая глава «Повседневность — литература — повседневность: поэтика взаимодействия семантических пространств» посвящена коммуникационным аспектам репрезентации повседневности в костюмных, застольных и ольфакторных текстах культуры в контексте триады “повседневность — литература — повседневность”.

В параграфе 4.1 «Повседневность в литературе и литература в повседневности: культурологические модели функционирования» представлены типовые модели функционирования текстов повседневной и литературной культуры как взаимодействующих культурно-семантических пространств. Коммуникационный ракурс исследования текстов повседневной и литературной культур выводит на традиционную для филологического знания категорию «*поэтика*». Как показал Ю.М. Лотман, поэтика больше чем контекст, в котором бытуют и изучаются литературные тексты, ибо поэтика изучает законы существования текста как литературного феномена, а «литературность» и «художественность» присущи и житейскому, обыденному. Сама история культуры «фокусирует в себе многочисленные аспекты поэтики», находящиеся «в столь тесных отношениях, что приближаются к синтезу», в котором и «раскрываются смысл и форма текстов, их отношения между собой»⁶. Именно поэтому логика осмысления взаимодействия внелитературных и литературных текстов повседневности выстраивается как поэтика культуры.

Возникая из вседневной ауры, *литературные тексты* вбирают в себя «осколки» неофициальной картины мира, являя собой духовный опыт повседневного переживания времени их авторами и потенциальной читательской аудиторией. Попадая в пространство литературной реальности, *тексты повседневности* аккумулируют и преобразуют в себе «пассионарность» соответствующей среды обитания, будь то литературная повседневность исторического общества, социальной группы, массовой общности или самого творца литературного текста. Оказавшись «на воле» и уже не принадлежа своему создателю, тексты литературной повседневности испытывают на себе влияние «токов» повседневной жизни обывателя. Дальнейшая судьба литературных образцов повседневности зависит от потенциальных потребностей и способностей массовой общности или отдельных социальных групп к преобразению виртуальной повседневности в реальную.

В контексте функционирования коммуникационной триады «повседневность — литература — повседневность» выявлены следующие культурологические срезы:

- *повседневность — литература*: перенос писателем сюжетов из реальной повседневной жизни в литературные сюжеты и образы; трансформация текстов внелитературной повседневности в тексты литературной повседневности;
- *повседневность в литературном произведении*: тексты литературной повседневности; повседневные коммуникации в пределах текстового пространства литературного произведения (пространство литературных повседневных коммуникаций; литературный герой — литературный герой);

⁶ Софронова Л.А. Культура сквозь призму поэтики. М., 2006. С. 5.

- *внутрилитературная повседневность*: повседневность в литературной среде, “литературный быт” (пространство литературных повседневных коммуникаций; писатели – писатели);
- *литература — окололитературная повседневность*: функционирование моделей повседневного поведения писателя и/или литературного героя в читательской среде (пространство литературных повседневных коммуникаций; писатели – текст – читатели);
- *литература — внелитературная повседневность*: функционирование моделей поведения писателя и/или литературного героя во внелитературном пространстве повседневных коммуникаций; освоение социальной группой и массовой общностью заимствованных образцов повседневной культуры (писатель — текст — социальная группа — массовая общность);
- *повседневность — повседневность/литература*: порождение и функционирование новых моделей поведения в пространстве повседневных и /или литературных коммуникаций; эволюция функционального статуса текстов повседневности (вещь — знак — символ); эволюция знаковых и символических функций литературных моделей повседневных коммуникаций во внелитературном пространстве (историческое общество — историческое общество).

Таким образом, суть коммуникационного подхода в указанных контекстах заключается в параллельном рассмотрении *литературного текста как феномена (эффекта) повседневных/литературных коммуникаций* и *текста повседневности как феномена литературных/повседневных коммуникаций*, порождающего и распространяющего литературные модели повседневной культуры (литературные тексты/образы). Представленный в диссертации материал даст представление о векторах взаимодействия семантических пространств повседневной и литературной культур и может служить основой для коммуникационного анализа текстов повседневности костюмного, застольного и ольфакторного “жанров” с учетом специфики того среза повседневной жизни, который они репрезентируют.

В параграфе 4.2 «*Костюмные тексты в пространстве литературных коммуникаций*» анализируется специфика репрезентации повседневности в костюмных текстах литературной реальности. Приводится типология костюмных текстов и примеры типичных образцов их функционирования в пространстве литературных коммуникаций, сопровождаемые описанием культурологических сюжетов, составленных на основе фактов из истории костюмной культуры России, мемуарных и эпистолярных источников и текстов русской классической литературы

Художественный образ костюма — неотъемлемый атрибут повседневной бытовой картины мира: знаков и символов социальной среды, этических норм и отношений, социально-психологических типов и жизненных ситуаций. “Литературные одежды” — важнейший источник информации о внелитературных (ментальных, идеологических, биографических) и о внутрилитературных (традиции, мода, полемика) контекстах рождения литературных произведений. Ис-

ходя из специфики функционирования костюмных текстов и своеобразия несомой ими культурологической информации, к *костюмным текстам литературной реальности следует отнести*: костюмные портреты субъектов литературной коммуникации — писателей, литературных персонажей, читателей; лексемы и фразеологизмы, используемые автором в описании собственно костюма, костюмной среды и костюмных ситуаций; авторские описания любых ситуаций, построенные при соучастии костюмных лексем и фразеологизмов, но напрямую с костюмом не связанные; костюмные тексты, с литературной “родословной”, функционирующие на вербальном (устная речь, литературные тексты) и невербальном уровнях (модели костюмного поведения).

Типичными образцами костюмно-литературных коммуникаций являются: обычные в повседневной жизни одежды, обретшие благодаря русской классической литературе особый знаковый смысл и *статус классических костюмных текстов*, функционирующих в пространстве повседневных/литературных коммуникаций как образы-символы (“фризовая шинель”, “фрак наваринского дыму с пламенем”, “драдедамовый платок”, “гороховое пальто”, “кисейная барышня”, др.); *модели костюмного поведения писателя как способ выражения его идеологических позиций, ценностных ориентаций* (армяки и поддевки писателей-славянофилов, блуза Л.Н. Толстого, блуза М. Горького); *модели костюмного поведения модного писателя или литературного героя, получившие распространение в читательских кругах* (стиль денди, тюрбан мадам де Сталь, “литературные модели” гардероба нигилистов, “толстовка”); *названия различных видов костюмов и их аксессуаров, пришедших в костюмный лексикон русской культуры из литературной среды* (галстук “Вальтер Скотт”, женское пальто “Лалла Рук”, “пушкинская” шляпа). Особое место в “костюмной истории” литературной России занимают костюмные портреты А.С. Пушкина и А.П. Чехова как своего рода классические образцы поэтики костюмных коммуникаций в житнетворчестве русского гения (Приложение 2, разделы 2.1.1, 2.2.1). Анализ сюжетов из истории костюмной и литературной культур России дает возможность *смоделировать траекторию движения костюмных текстов* в пространстве повседневных и/или литературных коммуникаций от писателя к читателю (индивид — социальная группа — массовая общность — историческое общество) в контексте коммуникационной триады “*костюмная повседневность — литература — костюмная повседневность*”.

В параграфе 4.3 «*Застольные тексты в пространстве литературных коммуникаций*» анализируется специфика репрезентации повседневности в застольных текстах литературной реальности. Приводится типология застольных текстов и примеры типичных образцов их функционирования в пространстве литературных коммуникаций, сопровождаемые описанием культурологических сюжетов, составленных на основе литературных источников различных жанров (научных, мемуарных, эпистолярных, художественных).

Застольные тексты русской классической литературы обладают богатейшим знаковым и символическим потенциалом, являясь источником культуро-

логической информации не только о застольных реалиях русской повседневной культуры или застольной жизни персонажей литературных произведений и их авторов, но и реалиях визастольной и внелитературной повседневности своего времени. Исходя их специфики функционирования застольных текстов в пространстве литературных коммуникаций и своеобразия несомой ими культурологической информации, к застольным текстам литературной реальности следует отнести: “застольные” портреты субъектов литературных коммуникаций (писатель, персонаж, читатель); лексемы и фразеологизмы кулинарно-гастрономического происхождения, используемые автором для описания застолья и сопутствующего ему антуража; семантические конструкции кулинарной и гастрономической природы, используемые автором для описания любых ситуаций, событий, явлений, даже если эти ситуации напрямую с собственно застольем не связаны; кулинарные/гастрономические лексемы и фразеологизмы, имеющие литературную “родословную” (литературная среда или собственно литературный текст), функционирующие в литературном и внелитературном пространстве;

К разряду типичных образцов застольно-литературных коммуникаций относятся: *литературные трапезы*, описанные непосредственно в литературных произведениях; *беллетристические обеды* разных литературных эпох; *литературные меню*, реконструированные на основе сведений о гастрономических предпочтениях писателей и их персонажей; *рестораны, носящие имена писателей и литературных героев*, которые в угоду ресторанному бизнесу становятся “лицом компании”.

Так же как и в случае с костюмными текстами, анализ сюжетов из истории застольной и литературной культуры России дает возможность *смоделировать траекторию движения* застольных текстов в пространстве повседневных и/или литературных коммуникаций в контексте коммуникационной триады “застольная повседневность — литература — застольная повседневность”. Однако “литературные застолья”, оставаясь потенциальными объектами для подражания и культивирования во внелитературной среде, не проявляют себя в этом качестве столь же активно, как “литературные одежды”, то есть в форме каких-либо конкретных устойчивых моделей застольного поведения на уровне социальных групп или массовых общностей. Для застольных текстов литературной природы более “привычны” символические/метафорические формы функционирования в пространстве повседневных/литературных коммуникаций как образцов культурной памяти и источников культурологической информации.

В параграфе 4.4 «Ольфакторные тексты в пространстве литературных коммуникаций» анализируется специфика репрезентации повседневности в ольфакторных текстах литературной реальности, описывается их типология и особенности функционирования в пространстве литературных коммуникаций. В силу специфики бытия ароматов и запахов “уловить” и сохранить растворенную во времени ольфакторную ауру человеческой жизни в ее эпохальном, ло-

кальном, приватном и символическом ракурсах по силам лишь литературным текстам. Все перечисленные выше компоненты ольфакторных текстов культуры находят образное отражение в литературных текстах различных жанров, включая и художественные. Подобно ароматам и запахам внелитературного пространства, *литературные ароматы и запахи* указывают на социальный статус человека и его социально-психологические характеристики, коммуникационную ситуацию и взаимоотношения персонажей.

К ольфакторным текстам литературной реальности следует отнести: ольфакторные лексемы и фразеологизмы, используемые для описания характеров, ситуаций, отношений, эмоциональных переживаний литературных персонажей; “ольфакторные тексты” литературного происхождения, функционирующие в пространстве повседневных коммуникаций в качестве метафор; “ольфакторные портреты” писателей, составленные на основе анализа литературных текстов ольфакторного жанра, характеризующих личность писателя как субъекта повседневных коммуникаций.

Ольфакторная аура — одна из знаковых характеристик поэтики русской литературы, позволяющая реконструировать культурную ситуацию и связанную с ней психологическую ассоциацию, затерянную в движении времени. В диссертации приведен обзор классических ольфакторных текстов русской литературы, составленный по произведениям А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова. Культурологический опыт осмысления специфики ольфакторных коммуникаций позволяет сделать вывод о том, что применительно к триаде *“ольфакторная повседневность — литература — ольфакторная повседневность”* можно рассуждать лишь о метафорических/символических контекстах функционирования ольфакторных текстов культуры в пространстве повседневных/литературных коммуникаций. В отличие от “литературных одежд” и “литературных обедов” “литературные ароматы и запахи” редко пересекают границы своего постоянного ареала обитания — литературного текста, оставаясь, прежде всего, объектом познания и потенциальными источниками культурологической информации.

В параграфе 4.5 *«Частная жизнь гения как предмет культурологического исследования: этика и метод»* рассматриваются методологические и этические аспекты изучения частной жизни гения как феномена культуры. Осмысление частной жизни гения как жизнетворческого опыта исторической личности и культурного наследия, не утраченного во времени своей актуальности, есть объективная коммуникационная потребность культурных деятелей, активно стимулируемая общей тенденцией к культурологизации отечественного гуманитарного знания. Материал параграфа сопровождается Приложением 2 «Культурологические сюжеты и портреты», в котором представлен опыт культурологической интерпретации текстов повседневной культуры в контексте костюмных, застольных и ольфакторных реалий жизни А.С. Пушкина и А.П. Чехова, выявленных на основе анализа мемуарных и эпистолярных источников. Смысл об-

ращения к такому роду деталей и подробностей заключаются в отборе и монтаже текстов повседневности, репрезентирующих тонкие энергетические связи между бытийно-бытовыми реалиями частной жизни гения и сферой его литературной повседневности, что позволяет в итоге выйти на метафорический уровень осмысления жизнестворчества Мастера.

Заключение. Итоговые выводы по всем ключевым позициям исследования формулируются в следующих ключевых положениях:

1) доказана эффективность культурологической версии информационно-коммуникационного подхода как методологической и инструментальной основы анализа репрезентации повседневности в текстах русской культуры;

2) обоснована актуальность введения в научный оборот дефиниции “культурологическая информация” как специализированной научно-методологической категории культурологического знания;

3) обоснован функциональный статус литературно-художественного текста как источника культурологической информации о повседневности;

4) доказано, что костюмные, застольные и ольфакторные реалии повседневной жизни человека, формируя ближайшую среду его обитания, образуют в своей совокупности эффективную источниковедческую базу для выявления форм репрезентации повседневности в текстах культуры внелитературной и литературной природы;

5) доказано, что специфика взаимодействия семантических пространств “внелитературная повседневность” и “литературная повседневность” в контексте коммуникационной триады “повседневность — литература — повседневность” заключается в их обоюдной способности генерировать новые формы репрезентации повседневности в текстах культуры;

6) обоснована эффективность культурологического прочтения текстов частной жизни гения в контексте репрезентирующих ее костюмных, застольных и ольфакторных реалий внелитературной и литературной повседневности.

Основные публикации автора по теме диссертации

Монография

1. Манкевич И.А. Поэтика обыкновенного: опыт культурологической интерпретации. — СПб.: Алетейя, 2011. — 712 с. — 45 п. л.
ISBN 978-5-91419-461-8

Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК

2. Манкевич И.А. Литературные коммуникации и культурологическое знание // Вопросы филологии. — 2006. — № 1. — С. 167–175. — 1,0 п. л.
3. Манкевич И.А. Поэтика повседневности в пространстве литературных коммуникаций: опыт культурологической интерпретации // Обсерватория культуры. — 2007. — № 4. — С. 20–27. — 0,75 п. л.

4. *Манкевич И.А.* Литературно-художественное наследие как источник культурологической информации // Обсерватория культуры. — 2007. — № 5. — С.17–23. — 0,75 п. л.

5. *Манкевич И.А.* Филология и культурология: “философия” межнаучных коммуникаций в пространстве гуманитарной культуры // Вопросы культурологии. — 2008. — № 2. — С. 8–11. — 0,5 п. л.

6. *Манкевич И.А.* Культура повседневности: информационно-коммуникационный подход // Вестн. ЛГУ им. А.С. Пушкина. Сер. Философия. — 2007. — № 4 (8). — С. 83–92. — 0,6 п. л.

7. *Манкевич И.А.* Поэтика костюма в пространстве литературных коммуникаций // Обсерватория культуры. — 2008. — № 3. — С. 98–104. — 0,75 п. л.

8. *Манкевич И.А.* Костюмные тексты в произведениях А.С. Пушкина в культурологическом прочтении // Вестн. Томск. гос. ун-та. — 2008. — № 310 (май). — С. 31–37. — 0,8 п. л.

9. *Манкевич И.А.* Застолье в литературной жизни А.П. Чехова: мифопоэтика культурологических сюжетов в зеркале эпистолярной и мемуарной чеховианы // Вопросы культурологии. — 2008. — № 12. — С. 72–76. — 0,5 п. л.

10. *Манкевич И.А.* Поэтика костюма в повседневной жизни А.С. Пушкина: культурологические сюжеты // Вестн. Томск. гос. ун-та. — 2009. — № 318 (январь). — С. 92–98. — 0,8 п. л.

11. *Манкевич И.А.* Частная жизнь Гения как предмет культурологических штудий // Вопросы культурологии. — 2009. — № 4. — С. 83–87. — 0,5 п. л.

12. *Манкевич И.А.* Поэтика костюмных коммуникаций: культурологический ракурс // Обсерватория культуры. — 2009. — № 3. — С. 100–107. — 0,75 п. л.

13. *Манкевич И.А.* Ароматы и запахи в жизни А.С. Пушкина // Человек. — 2009. — № 6. — С. 137–149. — 1,0 п. л.

14. *Манкевич И.А.* А.П. Чехов: ольфакторные сюжеты “для небольшого рассказа” // Человек. — 2010. — № 6. — С. 146–163. — 1,0 п. л.

Материалы, опубликованные в других научных изданиях

15. *Манкевич И.А.* Теория социальной коммуникации и художественная культура // Социология и общество: тезисы Первого Всерос. социологич. конгресса «Общество и социология: новые реалии и новые подходы», 27–30 сентября 2000 г./СПбГУ. — СПб.: Скифия, 2000. — С. 355. — 0,25 п. л.

16. *Манкевич И.А.* Художественная коммуникация: “фабула” и “сюжеты” // Информация — Коммуникация — Общество: мат-лы Межд. науч. конф. 14–15 ноября, 2000 г. / СПбЭТУ “ЛЭТИ”. — СПб., 2000. — С.95–97. — 0, 25 п. л.

17. *Манкевич И.А.* Социально-коммуникационный подход в системе культурологического знания // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века: мат-лы Межд. науч. конф. 18 мая 2001 г. /СПбГУ. — СПб.: Санкт-Петербург. философ. об-во, 2001. — С. 83–87. — 0,25 п. л
18. *Манкевич И.А.* Художественная литература как источник культурологической информации // Мир гуманитарной культуры академика Д.С. Лихачева: Межд. Лихачевские науч. чтения 24–25 мая 2001 г. — СПб.: СПбГУП, 2001. — С. 83–85. — 0,3 п. л.
19. *Манкевич И.А.* Костюмная коммуникация как игра смыслов // Игровое пространство культуры: мат-лы форума 16–19 апреля 2002 г. /СПбГУ. — СПб.: Евразия, 2002. — С. 359–362. — 025 п. л.
20. *Манкевич И.А.* Художественные коммуникации в системе дисциплин социально-гуманитарного цикла // Духовные начала русского искусства и образования: мат-лы Всерос. науч. конф. — В. Новгород: Нов. гос. ун-т, 2002. — С. 237–246. — 0,5 п. л.
21. *Манкевич И.А.* Жанр как феномен литературных коммуникаций: опыт культурологического прочтения // Вестн. Омск. ун-та. — 2003. — Вып. 4 (30). — С. 93–97. — 0,75 п. л.
22. *Манкевич И.А.* Петербургский текст развлекательной культуры: праздники “серебряного века” // Печать и слово Санкт-Петербурга. (Петербургские чтения – 2003). — СПб.: Петербургский ин-т печати, 2003. — С. 291–301. — 0,75 п. л.
23. *Манкевич И.А.* Поэтика костюма: «повседневная жизнь» вещи и образа в культурологическом измерении // Петербургский текст повседневной культуры: мат-лы Всерос. науч. конф. «Пушкинские чтения – 2003», 6 июня 2003 г. — СПб.: ЛГОУ им. А.С. Пушкина 2003. — С. 54–61. — 0,5 п. л.
24. *Манкевич И.А.* Русская классическая литература и культурологическое знание // Духовные начала русского искусства и образования: мат-лы Всерос. науч. конф. “Никитские чтения”, 10–14 мая 2003 г. — В. Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2003. — С. 38–48. — 0,75 п. л.
25. *Манкевич И.А.* Русские пословицы в зеркале теории социальных коммуникаций // Жанры в историко-литературном процессе: вып. 2. Сб. науч. трудов. — СПб.: ЛГОУ им. А.С. Пушкина, 2003. — С. 3–14. — 0,75 п. л.
26. *Манкевич И.А.* Будни и праздники императрицы Анны Иоанновны // Повседневность как текст культуры: мат-лы Межд. науч. конф. «Пушкинские чтения – 2004», 6 июня 2004 г. — СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2004. — С. 43–57. — 0, 8 п. л.
27. *Манкевич И.А.* Литературная культура как социально-коммуникационная система: текст–контекст–интертекст // Этика и социология текста. Научно-методический семинар «Textus». Сб. статей. Вып. 10. СПб., Ставрополь: СГУ, 2004. — С. 470–474. — 0,65 п. л.

28. *Манкевич И.А.* Праздники в стиле барокко: “веселящийся” Петербург в эпоху императрицы Елизаветы Петровны // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств. — 2004. — № 1. — С. 62–75. — 0,75 п. л.
29. *Манкевич И.А.* Феномен литературных коммуникаций в контексте культурологического знания // Русская литература и внелитературная реальность: мат-лы “Герценовских чтений” 2003 г. — СПб.: Сага, 2004. — С. 180–183. — 0,25 п. л.
30. *Манкевич И.А.* Феномен удовольствия в сюжетах и образах русской классической литературы // Феномен удовольствия в культуре: мат-лы Межд. форума 6–9 апреля 2004 г. — С. 267–270. — 0,25 п. л.
31. *Манкевич И.А.* Феномен повседневных коммуникаций: опыт культурологической интерпретации // Феномен повседневности: Гуманитарные исследования. Философия. Культурология. Филология. Искусствоведение. — СПб.: Астерион, 2005. — С. 34–52. — 1,0 п. л.
32. *Манкевич И.А.* «Table-talk» по-русски, или русский анекдот как феномен повседневных коммуникаций // Феномен повседневности: Гуманитарные исследования. Философия. Культурология. Филология. Искусствоведение. — СПб.: Астерион, 2005. — С. 194–203. — 0,65 п. л.
33. *Манкевич И.А.* Феномен художественной коммуникации в контексте культурологического знания: опыт построения концептуальной модели // Современные проблемы межкультурных коммуникаций: сб. статей /СПбГУКИ. — СПб., 2005. — С. 68–75. — 0, 5 п. л.
34. *Манкевич И.А.* Время и пространство повседневности в застольных текстах русской классической литературы // XI Пушкинские чтения: мат-лы Межд. науч. конф., 6 июня 2006 г. / ЛГУ им. А.С. Пушкина. — СПб., 2006. — С. 56–63. — 0,5 п. л.
35. *Манкевич И.А.* Пространство повседневности в литературном тексте: опыт культурологической интерпретации // Художественный текст и культура: мат-лы Межд. науч. конф., 6–7 октября 2005 г. — Владимир: ВГПУ, 2006. — С. 368–373. — 0,75 п. л.
36. *Манкевич И.А.* «Застольный сюжет» для небольшого рассказа: поэтика повседневности в прозе А.П. Чехова (коммуникационный аспект) // Пушкинские чтения–2007: мат-лы XII Межд. науч. конф. «Пушкинские чтения», 6–7 июня 2007 г. — СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2007. — С.250–258. — 0,6 п. л.
37. *Манкевич И.А.* Повседневность и литературная культура в контексте взаимодействия семантических пространств // Современные проблемы межкультурных коммуникаций: сб. статей /СПбГУКИ. — СПб., 2007. — С. 256–265. (Труды СПбГУКИ. Т. 172). — 0,6 п. л.
38. *Манкевич И.А.* “Повседневные тексты” художественной литературы в культурологическом прочтении: информационный потенциал и функциональный статус // Зритель в искусстве: интерпретация и творчество. Ч. 1: мат-

лы всеросс. конф. 26–27 марта 2007 г./СПбГУ. — СПб.: Роза мира, 2007. — С. 158–167. — 0,75 п. л.

39. *Манкевич И.А.* Костюм и мода в повседневной жизни А.П. Чехова // Чеховские чтения в Ялте: вып. 13. Мир Чехова: мода, ритуал, миф. Сб. науч. тр./ Дом-музей А.П. Чехова в Ялте. — Симферополь: Доля, 2009. — С. 33–60. — 1,0 п. л.

40. *Манкевич И.А.* Время и пространство повседневности в “застольных текстах” А.П. Чехова: культурологический ракурс // Чеховские чтения в Ялте: вып. 14. Мир Чехова: пространство и время. Сб. науч. тр./ Дом-музей А.П. Чехова в Ялте. — Симферополь: Доля, 2010. — С. 227–242. — 1,0 п. л.

41. *Манкевич И.А.* Феномен литературных коммуникаций: текст — контекст — интертекст // Славянскія літаратуры у кантэксте сусветнай = Slavonic Literatures within the World Context: VII Міжнар. навук. канф., Мінск, 12–14 кастр. 2005 г.: зб. навук. арт. У 3 т. Т. 3 / Беларус. дзярж. ун-т, філал. фак. — Мінск: РІВШ, 2010. — С. 185–190. — 0,5 п. л.

42. *Манкевич И.А.* Застолье в жистворчестве А.С. Пушкина: мифопоэтика культурологических сюжетов // Материалы Михайловских Пушкинских чтений «...Веселое имя: Пушкин». — Сельцо Михайловское, 2011. — С. 51–63. — (Серия «Михайловская пушкиниана»; Вып. 52). — 0,9 п. л.

43. *Манкевич И.А.* Тексты повседневности в пространстве ольфакторных коммуникаций: морфология, модели функционирования // Семиозис и культура: от реальности к тексту — от текста к реальности: сб. науч. ст.: вып. 7. — Сыктывкар: Коми гос. пед. ин-т, 2011. — С. 168–173. — 0,5 п. л.

**МАНКЕВИЧ
ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА**

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
В ТЕКСТАХ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ:
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЙ АСПЕКТ**

Подписано в печать 14 июля 2011. Формат 60х84/16 Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 2,5

Тираж 100 экз.

Заказ № 0310/01

Мини-типография «Знак» издательства «Знак»

191011, Санкт-Петербург, Невский пр., 32-34

тел.: (812) 571-07-33, тел./факс: 571-16-42

www.znak.in

e-mail: info@znak.in